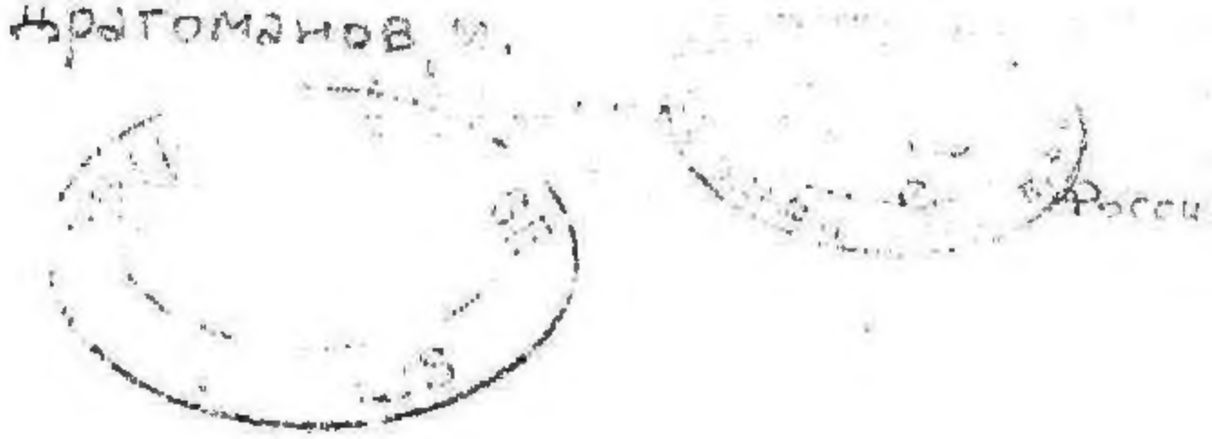


ЗЕМСКІЙ ЛИБЕРАЛИЗМЪ ВЪ РОССІИ

(1858 — 1883)

Реакціонеры въ Россіи не скрываютъ теперь желанія возвратить ее всецѣло къ порядкамъ, которые существовали въ ней при Николаѣ I. Не будь опасности, что такая Реставрація увѣнчается и концомъ николаевскаго царствованія, т. е. новымъ севастопольскимъ разгромомъ, который теперь поведетъ за собою, кромѣ всего прочаго, страшное обѣднѣніе Россіи, можно было бы даже пожелать осуществленія этой Реставраціи. Тогда бы обнаружился передъ всѣми сколько-нибудь мыслящими людьми полнѣйшій разладъ между правленіемъ монархически-чиновническаго самодержавія и интересами и сознаніемъ населеній Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость кореннаго измѣненія этого правленія, а не однихъ только поправокъ въ немъ, введенныхъ въ первую половину царствованія Александра II.

Николаевскіе порядки были завершеніемъ самодержавнаго „уклада“ въ исторіи Россіи и уже въ свое время наглядно показали, — въ мирѣ и на войнѣ, — свою несостоятельность. Оттого, между прочимъ, именно съ николаевскаго времени начался вполнѣ органическій, непрерывный ростъ русскаго либерализма, который, чѣмъ дальше, становится изъ кружковаго общественнымъ, изъ кабинетнаго — земскимъ. Обзоръ этого роста убѣждаетъ, что мы имѣемъ въ немъ дѣло съ явленіемъ, которое развивается по законамъ исторіи и неизбѣжно должно достигнуть своего торжества и даже не въ очень отдаленномъ будущемъ.

Въ газетной статьѣ мы не можемъ вдаваться въ сколько-нибудь полное обозрѣніе исторіи русскаго либерализма, а бросимъ только бѣглый взглядъ на крупнѣйшія его заявленія по смерти Николая I и при этомъ почти исключительно

на тѣ, какія исходили вовсе не отъ людей, которыхъ бы можно было назвать теоретиками, но отъ практиковъ и при томъ отъ цѣлыхъ ихъ корпорацій. Другихъ заявленій и движеній мы будемъ касаться только мимоходомъ для оттѣненія сущности этого земскаго движенія.

При Николаѣ I изъ всѣхъ сословій сколько-нибудь организованнымъ и образованнымъ было одно дворянство. Настроеніе умовъ въ болѣе образованной части дворянства подъ конецъ правленія Николая I очень хорошо охарактеризовано въ Запискахъ А. И. Кошелева (1812—1883), гдѣ между прочимъ читаемъ: „20 ф. 1855 г. получено было въ Москвѣ извѣстіе о кончинѣ Николая Павловича и о восшествіи на престолъ Имп. Александра II. Это извѣстіе не многихъ огорчило; ибо не легко было для Россіи только что закончившееся тридцатилѣтнее царствованіе, но особенно удушливо оно было съ 1848 г. Тутъ подозрительности и своеволію администраціи не было предѣловъ. Въ тотъ же вечеръ послѣ присяги Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ, и мы съ надеждами выпили за здоровье новаго императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей Земской Думы". (Стр. 82).

Конечно, кружокъ Кошелева, состоявшій изъ самыхъ образованныхъ людей дворянства, шелъ дальше другихъ, хотя и совершенно логически, отправляясь отъ факта: „своеволія администраціи". Но фактъ этотъ чувствовался всѣми, а потому сознаніе необходимости реформы администраціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ полиціи и суда, и внесенія въ дѣла публичныя общественнаго контроля, хотя бы въ видѣ гласности (свободы печати), стало уже и въ то время довольно широко распространено. Сначала оно выражалось въ сочувствіи къ публикаціямъ Герцена, которыя тогда читались на расхватъ, и въ сообщеніи ему для печати накопившейся въ послѣдн. годы царств. Николая рукописной литературы („Голоса изъ Россіи") и обличительныхъ корреспонденцій въ „Колоколъ" (съ 1857 г.) *) Съ 1858 г.

*) Программу самаго «Колокола» Герценъ опредѣлялъ въ 1858 г. такъ: освобожденіе крестьянъ съ землею, которую они обрабатываютъ, — отмѣна предварительной цензуры, — тайнаго слѣдствія

требованія реформъ въ отмѣченномъ направленіи стали заявляться въ коллективныхъ обращеніяхъ дворянскихъ собраній къ государю. Изъ такихъ обращеній наиболѣе опредѣленнымъ былъ адрессъ дворянства Владимірской губ., представленный въ Январѣ 1860 г. Послѣ вступленія, мѣтко характеризпрующаго управленіе Россіи, съ указаніемъ „на безгласность дѣлопроизводства и безотвѣтственность должностныхъ лицъ", Владимірскіе дворяне представили слѣдующую программу реформъ:

I. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

II. Управленіе общее для всѣхъ сословій.

III. Хозяйственно-распорядительное Управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, при чемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

IV. Полицейское управленіе правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона *).

V. Руководимое только закономъ, гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

VI. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

VII. Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписаніе своихъ начальствъ.

VIII. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита **).

Въ томъ же 1860 г. почти того же просили и дворянства губ. Нижегородской и Ярославской; въ 1861 г. подобный Владимірскому адрессъ представило и Харьковское дворянство, а еще въ 1859 г. пять депутатовъ разныхъ гу-

---

(III отдѣленія) и безгласнаго суда, — отмѣна тѣлесныхъ наказаній (См. письмо къ франкфуртскому сенату; ср. письмо къ Александу II, которое уже въ 1856 г. ходило въ Россіи въ рукописяхъ).

*) Пунктъ этотъ отрицалъ III-е отдѣленіе, административную ссылку и т. п.

**) Что разумѣлось тогда подъ этими, не совсѣмъ ясными словами VIII пункта, будетъ понятно, если мы приведемъ мѣсто изъ постановленія тверскаго дворянства 1862 г.: «для возрожденія кредита необходимы слѣдующія реформы: а) преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не произвола .... б) введеніе полной гласности во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго управленія.»

берній въ редакц. ком. по крестьянскому дѣлу просили кромѣ того — какъ потомъ и Ярославскіе дворяне — „о допущеніи общества, посредствомъ гласности, обнаруживать предъ высшимъ правительствомъ злоупотребленія мѣстныхъ управленій". С.Петербургское дворянство просило о „мѣстномъ самоуправленіи". (О томъ же просило въ 1862 г. дворянства Воронежское и Московское). Такого рода ходатайства появлялись съ 1858 г. не смотря на то, что правительство находило ихъ „не своевременными, неумѣстными" и т. п. и дѣлало выговоры предводителямъ дворянства и главнымъ ораторамъ собраній.

Въ нѣкоторыхъ собраніяхъ 1859—60 гг. (напр., особенно въ Орловскихъ) были дѣлаемы заявленія о необходимости общаго дворянскаго „представительства", о „правѣ русской земли имѣть своихъ выборныхъ для совѣта верховной власти", произносилось даже слово „конституція", но такъ какъ эти заявленія исходили отъ людей партіи аристократической (по тогдашнему „крѣпостниковъ"), то часть дворянства съ болѣе демократическими идеями (по тогдашнему „либералы" и даже „красные") не поддерживали ихъ, надѣясь, что вполнѣ самодержавная власть, не стѣсняемая „дворянскимъ парламентомъ" проведетъ дѣло эмансипаціи выгоднѣе для крестьянъ *).

*) Болѣе подробно обозрѣли мы это движеніе 1858 — 60 гг. въ статьяхъ «Толците и отверзется» въ 56 и 57 №№ «Вольнаго Слова». Тамже перепечатанъ и весь Владимірскій адрессъ, доставленный въ «Колоколъ» И. С. Аксаковымъ, либеральныя письма котораго къ Герцену см. въ № 60 «В. Слова». Документы изъ этого движенія см. въ II т. «Матер. для ист. упраздненія крѣп. состоянія» и пр. Берлинъ. 1861. Для характеристики настроенія «красныхъ» интересно письмо Бакунина къ Герцену съ восторженной похвалою программѣ Муравьева Амурскаго: «1) Полное безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею 2) Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ отъ малаго до великаго, 3) Образованіе народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ, 4) Народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможной децентрализаціей Россіи, а въ Петербургѣ не конституція и парламентъ, а желѣзная диктатура (варьянтъ въ другомъ письмѣ: «желаетъ.... на первыхъ порахъ не конституціи и не болтливаго дворянскаго парламента, а временной желѣзной диктатуры») въ видахъ освобожденія Славянъ, начиная съ возсоединенной Польши, и борьбы на смерть съ Австріею и Турціею» («В. Слово», № 51, стр. 14). Интересно, что въ тоже время и сторон-

Когда, послѣ обнародованія Положенія 19 февр. 1861 г., эти надежды на самодержавіе оказались далеко не осуществленными, и вдобавокъ отъ исполненія этого Положенія были удалены болѣе „красные“ элементы изъ самой администраціи (какъ Н. Милютинъ), то движеніе въ пользу „представительства“ стало единодушнѣе. Оно выразилось въ предложеніяхъ, внесенныхъ во многія дворянскія собранія 1862 г. и въ цѣлыхъ адрессахъ этихъ собраній въ Новгородѣ, Тулѣ, Смоленскѣ, Москвѣ, Петербургѣ, Твери. Изъ адрессовъ болѣе замѣчательный московскій, который просилъ мѣстнаго самоуправленія, гласнаго судопроизводства, обязательнаго выкупа кр. земель, публичности бюджета, свободы печати и созванія въ Москвѣ земской думы изъ всѣхъ классовъ для приготовленія цѣльнаго проэкта реформъ. (Revue des deux Mondes, 1862, 15 Juin, 793—798) Рѣзче всѣхъ были постановленія и адрессъ тверскаго дворянства отъ 2 февраля о необходимости ряда гражданскихъ и экономическихъ реформъ (напр. уравненія правъ сословій, обязательнаго выкупа кр. земель) и „созванія выборныхъ всей земли русской, какъ единственнаго средства къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ Положеніемъ 19 Февраля“. (См. Колоколъ, № 126).

Не смотря на административныя и судебныя наказанія, которымъ подверглись инициаторы тверскаго адресса, (впрочемъ, не прямо за адрессъ, а за рѣзкую мотивировку коллективнаго выхода изъ должности миров. посредниковъ) заявленія въ духѣ его дѣлались въ разныхъ дворянскихъ собраніяхъ 1862 и начала 1863 г., въ которыхъ въ тоже время вырабатывались и проэкты мѣстнаго самоуправленія *).

ники дворянскаго парламента осуждали централизацію и бюрократію и выражали опасеніе, что крестьяне, освобожденные отъ помѣщиковъ, попадутъ подъ неограниченную власть чиновниковъ.

*) Въ это время конституціонное движеніе шло и среди «разночинцевъ» и выразилось здѣсь тайными обществами и прокламаціями, болѣе или менѣе революціонными: «Великоруссъ» (съ Августа по Ноябрь 1861 г.; въ изданіи принимали участіе офицеры, какъ Обручевъ и др.), «Земская Дума» (1862), «Земля и Воля» (1862—63). (Частію перепечатаны въ «Колоколѣ», въ бр. «Летучіе Листки», въ Гейдельбергѣ и журналѣ «Свободное Слово», въ Берлинѣ 1862 г.) Пущенъ былъ при «Великоруссѣ» и проэктъ адресса, который долженъ быть представленъ государю, какъ говорилось многими, къ празднованію 1000 лѣтія Россіи въ Авг. 1862 г. Но въ этомъ раз-

Между тѣмъ въ западной половинѣ Имперіи шло движеніе нѣсколько иного рода: Польское національное движеніе несомнѣнно имѣло въ себѣ значительную долю либерализма, даже бо́льшую, чѣмъ та, которая проявлялась въ русскомъ дворянствѣ, но, во-первыхъ, демократическое направленіе въ средѣ польскаго дворянства, какъ Царства Польскаго, такъ и Западныхъ губерній, было слабѣе, чѣмъ въ русскомъ (къ такому заключенію приводитъ сравненіе заявленій представителей разныхъ губерній въ редакціонныхъ коммиссіяхъ по кр. дѣлу въ 1859—60 гг.), а, во-вторыхъ, образованные поляки всѣхъ направленій хотѣли не реформы Россіи, а отдѣленія отъ нея не только Ц. Польскаго, но и Западныхъ губерній. Только небольшая часть ихъ въ Царствѣ Польскомъ готова была удовольствоваться, по крайней мѣрѣ, на ближайшее время возстановленіемъ конституціи 1815 г., переходомъ къ чему въ глазахъ самыхъ умѣренныхъ должна была служить административная автономія Царства.

ночинско-революціонномъ движеніи скоро обнаружилось два направленія: конституціонное и народническое; послѣднее отнеслось отрицательно къ конституціонализму, да и ко всему «обществу» и возложило всѣ надежды на «народъ» (особенно на раскольниковъ) и «молодежь» («Отвѣтъ Великоруссу» въ Колок. 15 Сент. 1861 г. Михайлова; «къ Молодому Поколѣнію»—его же,—явилась въ Петербургѣ въ Сент. 1861 г. «Молодая Россія» въ Іюнѣ 1862 г.). При этомъ болѣе умѣренные, какъ Михайловъ, говорили: «за конституцію стало бы, вѣроятно, все дворянство. Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ теперь». «Молодая же Россія» предлагала чуть не поголовное избіеніе высшихъ классовъ. Но такъ какъ въ этихъ только классахъ и существовало тогда либеральное движеніе, то направленіе М. Р. шло собственно совсѣмъ на перерѣзъ ему. М. Р. называла и Герцена и «Великорусса» отсталыми; къ тому же она, хотя и обѣщала въ будущемъ русскую федеральную республику, но въ настоящемъ предполагала «диктатуру рев. партіи и сохраненіе теперешней централизаціи». Т. о. «Мол. Россія» вносила существенное раздѣленіе въ самое революціонное движеніе, тогда федеративное. Появившись одновременно съ петерб. пожарами, М. Р. послужила поводомъ къ правит. реакціи и въ тоже время къ раздѣленію въ либеральномъ движеніи, отъ котораго стала отдѣляться катковская фракція, еще недавно выражавшая сочувствіе цѣлямъ тверскаго адресса. (Ср. «Русскій Вѣстникъ» 1862 Мартъ, 451 и слѣд. и Іюнь, 848 и слѣд., а также въ «Колоколѣ», «Молодая и Старая Россія», «Журналисты и Террористы», № 139 и слѣд.).

Не мѣшаетъ отмѣтить, что Н. Г. Чернышевскій, который у послѣдующихъ поколѣній получилъ репутацію соціалиста-революціонера

Конституціонныя требованія ясно были заявлены въ адрессѣ, поданномъ многими вліятельными поляками въ Варшавѣ 28 ф. 1861 г. Въ немъ упоминалось о «вѣковой привычкѣ поляковъ къ свободнымъ учрежденіямъ» и оплакивалось современное «отсутствіе въ краѣ всякаго легальнаго органа, путемъ котораго народъ могъ бы непосредственно говорить къ трону и заявлять свои желанія и нужды». Но въ этомъ адрессѣ поляки были обособлены отъ другихъ народовъ имперіи, фразою, что «въ семьѣ народовъ европейскихъ только о д и н ъ польскій народъ лишенъ свободныхъ учрежденій». Въ отвѣтъ на этотъ адрессъ правительство установило въ Ц. П. выборные совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе, но польскіе либералы не удовольствовались такими уступками, — и въ сентябрѣ 1862 г. тѣ же лица вручили гр. А. Замойскому адрессъ, за 300 подписями, въ которомъ упоминаютъ, что избиратели установленныхъ послѣ перваго ихъ адресса уѣздныхъ и городскихъ совѣтовъ предполагали подать намѣстнику заявленіе съ 20,000 подписями о томъ, что «только представительство, вышедшее изъ выборовъ, при гласности обсужденія дѣлъ (przy jawnej dyskussiji) можетъ выразить нужды края», — но что военное положеніе остановило это

(хотя дѣйствительное отношеніе его къ петербургскому революц. движенію 1861—1862 гг. осталось не выясненнымъ) и противника конституціонализма (главнымъ образомъ на основаніи его статей о Франціи), въ «Письмахъ безъ адресса», изданныхъ подъ его именемъ въ 1874 г., но писанныхъ въ 1862 г., выражалъ полное сочувствіе либеральному движенію въ дворянствѣ.

Герценъ и его друзья занимали двойственное положеніе; они поддерживали либеральное движеніе въ двор. собраніяхъ и даже составили свой проэктъ адресса о конституціи, но въ то же время раздѣляли народническія иллюзіи, подкрѣпляя ихъ своего рода соціалистически-славянофильскою философіею исторіи («Начала и концы» и др. въ «Колоколѣ» 1862 г.). По этому поводу И. С. Тургеневъ писалъ одному изъ собирателей подписей для упомянутаго адресса: «Главное наше разногласіе съ Огаревымъ и Герценомъ, а также съ Бакунинымъ, состоитъ именно въ томъ, что они, презирая и чуть не топча въ грязь образованный классъ въ Россіи, предполагаютъ революціонныя или реформаторскія начала въ народѣ; на дѣлѣ это—совсѣмъ наоборотъ Революція въ истинномъ и живомъ значеніи этого слова, — я бы могъ прибавить — въ самомъ широкомъ значеніи этого слова — существуетъ т о л ь к о въ меньшинствѣ образованнаго класса,— и этого достаточно для ея торжества, если мы только самихъ себя истреблять не будемъ.» (Неизд. письмо 8 окт. 1862 г.)

заявленіе. Адрессанты поручали гр. Замойскому довести до свѣдѣнія В. Кн. Намѣстника, что они, «какъ поляки, только тогда будутъ поддерживать правительство, когда оно будетъ ихъ (nasze) польскимъ, и когда посредствомъ основнаго устава (Ustawą Zasadniczą) при свободныхъ учрежденіяхъ будутъ соединены всѣ провинціи, составляющія ихъ (наше) отечество».

Вскорѣ за тѣмъ, 29 ноября, минскіе дворяне подали адрессъ, въ которомъ желали равенства всѣхъ сословій и исповѣданій, свободы совѣсти и учрежденій, согласныхъ съ духомъ народа (польскаго) и вмѣстѣ съ тѣмъ присоединенія «литовскихъ» (собственно литовско-бѣлорусскихъ) губерній къ Польшѣ». Еще передъ тѣмъ, 1 октября дворянство Подольской губерніи пожаловалось на «отсутствіе у общества органовъ, вышедшихъ изъ его среды, для управленія публичными дѣлами», но болѣе всего настаивало на «возстановленіи административнаго единства Польши, съ присоединеніемъ къ Ц. Польскому и Западныхъ губерній».

На первыхъ порахъ польское національно-либеральное движеніе давало новый толчекъ либерализму и въ остальной Россіи, но за тѣмъ сепаратическій характеръ польскаго движенія, особенно же отождествленіе съ Польшей и такъ наз. Западныхъ губерній, а за тѣмъ вмѣшательство въ польскій вопросъ иностранной дипломатіи, на которую тогда очень надѣялись польскіе патріоты, внесли рознь въ либеральное движеніе въ Россіи и способствовали его остановкѣ. Съ весны 1863 г. разныя корпораціи Восточной и Южной Россіи и даже Балтійскаго края начали подавать заявленія въ пользу сохраненія цѣлости государства, при чемъ рѣдкіе изъ нихъ (напр., костромское дворянство) сочли тактичнымъ сдѣлать прямой намекъ на необходимость земскаго представительства, — большая же часть самыхъ либеральныхъ изъ этихъ заявленій ограничивались общими словами о надеждахъ на непрерывное слѣдованіе правительства по пути реформъ. Надо замѣтить, что первоначально это адрессное движеніе было направлено не столько противъ поляковъ, какъ національности, сколько противъ иностраннаго вмѣшательства и стремленій къ раздѣлу Россіи. Самарскій адрессъ прямо говорилъ: «Но въ самый разгаръ борьбы ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши серд-

ца... Мы сбережемъ для лучшаго времени сознаніе нашего племеннаго единства съ поляками». Этого лучшаго времени приходится ждать еще и теперь *).

Во всякомъ случаѣ въ 1863 г. либеральное движеніе было еще такъ сильно, что съ нимъ должно было считаться и правительство. Даже Катковъ, выступившій уже рѣзко и противъ русскаго революціоннаго и даже радикальнаго движенія, а также противъ польскаго сепаратизма, съ которымъ онъ сталъ уже связывать всякія автономныя движенія въ разныхъ племенахъ и областяхъ,— предлагалъ созваніе всероссійскаго земскаго собора, и какъ необходимую для блага

*) Имѣя въ виду въ настоящемъ очеркѣ преимущественно земское движеніе, мы не можемъ останавливаться на отношеніи къ польскому вопросу тогдашнихъ русскихъ тайныхъ обществъ и эмиграціи, которому мы посвятили особую книжку „Историческая Польша и Великорусская Демократія" (отд. оттиск. изъ «Вольнаго Слова» 1881 г.). Приведемъ здѣсь только выдержки изъ тогдашнихъ революціонныхъ листковъ въ Россіи, которыя относятся прямо къ вопросу о національномъ представительствѣ. Въ проэктѣ адресса, предложеннаго «Великоруссомъ» говорилось: «Благоволите, Государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ Варшавѣ, чтобъ они устроили судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ». Въ какую націю зачислить и куда созывать представителей литвиновъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ Западныхъ губерній, которыя польскіе патріоты считали частію Польши, члены «Великорусса» не опредѣляли. Въ 1863 г. въ прокламаціи «Земли и Воли» (4 февр.) сказано было: «Люди русскіе! заявимъ твердо, что мы желаемъ немедленнаго возстановленія Польскаго королевства съ добровольнымъ присоединеніемъ къ нему тѣхъ изъ Западныхъ губерній, гдѣ народъ большинствомъ самъ этого захочетъ. Конечно, не одно дворянство, какъ это было въ Минской и Подольской губерніи... Заявимъ наше не желаніе европейской войны, не соглашаясь помогать правительству въ прекращеніи польскаго возстанія. Совершивъ такое дѣло мы уже съ чистымъ сердцемъ и свѣтлою совѣстью будемъ въ состояніи приступить къ соединенію нашему въ Земскій Соборъ отъ всей земли русской, для обсужденія нашего главнаго дѣла: объ нашей землѣ и волѣ». И тутъ осталось пробѣломъ: при какой администраціи,— Польскаго ли королевства, или Россійской имперіи, производилоеь бы народное голосованіе въ Западныхъ губерніяхъ, если бы уже до этого могло дойти тамъ безъ европейской войны, подобно тому какъ передъ тѣмъ было въ Савоѣ и Ниццѣ, которыя сначала, съ согласія сардинскаго правительства, Наполеонъ III занялъ своими войсками, а потомъ произвелъ и голосованіе? На такихъ пробѣлахъ основала свою силу катковщина (Р. В. 1863 г. № 1. «Польскій Вопросъ») а потомъ и открытая реакція всякому, и польскому, и русскому либерализму, особенно когда крестьяне украинскіе, да и бѣлорусскіе, по своему голосовали противъ Польши.

страны «организацію общественнаго мнѣнія», и даже какъ лучшее средство остановить польское сепаративное движеніе («Русскій Вѣстникъ» 1863 г. Мартъ, „Что намъ дѣлать съ Польшей"?) *). Само правительство не рѣшилось отвѣтить отрицаніемъ на либеральныя требованія ни въ Ц. Польскомъ, ни въ остальной Россіи **). Въ манифестѣ къ полякамъ отъ 12 апрѣля 1863 г. оно указывало на установленные уже въ Ц. Польскомъ совѣты городскіе, уѣздные и губернскіе и обѣщало «открыть новую эру въ политической жизни края, которая можетъ начаться только посредствомъ разумнаго устройства мѣстнаго самоуправленія, какъ основы всего общественнаго зданія». «Сохраняя и теперь эти учрежденія, говорилъ дальше царскій манифестъ, мы предоставляемъ себѣ, если онѣ выдержатъ испытанія практики, приступить къ дальнѣйшему ихъ развитію, согласно потребностямъ времени и страны».

17 апрѣля, принимая разныя депутаціи, которые представили адресса противъ вмѣшательства иностранныхъ державъ въ польскій вопросъ, имп. Александръ II, который прежде выражалъ явное неудовольствіе при видѣ разсужденій дв. собраній о реформахъ, теперь какъ бы шелъ на встрѣчу этимъ разсужденіямъ, хотя и оговаривался на счетъ времени и порядка ихъ осуществленія:

«Я вѣрю вашимъ заявленіямъ преданности, говорилъ императоръ, повѣрьте и вы мнѣ, что вся моя жизнь имѣетъ только одну цѣль: благо нашего отечества и развитіе его гражданской жизни. Но на этой трудной дорогѣ всякая поспѣшность не только не принесетъ пользы, а можетъ быть

*) Незадолго передъ тѣмъ, когда въ 1862 г., правительство стало склоняться къ мысли установленія сейма въ Ц. Польскомъ, Катковъ высказалъ, что «въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего, кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ». (Совр. Лѣт. 1862, № 26. Невѣдѣнскій, «Катковъ и его время». 159—160). Въ такомъ же духѣ высказался и г. Платоновъ въ запискѣ «О необходимости Государственной Земской Думы», представленной въ петерб. губ. дв. собран. въ началѣ 1862 г. (Своб. Слово, вып. 3, 189—190).

**) Изъ польскихъ требованій имп. Александръ II безусловно отвергалъ только присоединеніе Западныхъ губерній къ Польшѣ. Г. Ан. Леруа Больё разсказываетъ, что, когда одинъ вліятельный польскій аристократъ (Замойскій?) сдѣлалъ объ этомъ намекъ, —то Александръ II отвѣтилъ ему: «М. г., Вы знаете, что не я производилъ раздѣлы Польши, но вы не можете требовать отъ меня раздѣленія Россіи». (Un homme d'état russe, 166).

только вредна... Я надѣюсь на вашу общую помощь и содѣйствіе при важныхъ работахъ, которые намъ предстоятъ. Предоставьте мнѣ дальнѣйшее ихъ развитіе, до времени, когда я сочту его возможнымъ и полезнымъ». *).

Въ программномъ разговорѣ, который имѣлъ Александръ II въ августѣ 1863 г. съ Н. А. Милютинымъ, онъ выказался, что не имѣетъ отвращенія къ представительному правленію, но что только не можетъ дать его полякамъ, которые бунтуютъ, не давая его вѣрноподданнымъ русскимъ, а этихъ онъ еще не считалъ зрѣлыми для конституціи. Съ своей стороны Н. Милютинъ, будучи сторонникомъ конституціи, думалъ, что прежде приступа къ реформамъ политическимъ, надо окончить реформы административныя, а чтобы воспитать страну вести свои дѣла, надо дать ей практику мѣстнаго самоуправленія. (См. Anatole Leroy Beaulieu. Un homme d'état russe. Nicolas Milutine, 168—169; писано по замѣткамъ самого Н. А. М.) Сентября 6 Александръ II открывалъ финляндскій сеймъ и сказалъ, что «въ рукахъ народа мудраго, готоваго дѣйствовать за одно съ своимъ государемъ, съ практическимъ смысломъ для развитія своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не опасны, но составляютъ залогъ порядка и благоденствія».

Слова эти были приняты во всей Россіи за прямое обѣщаніе земскаго собора, а сопоставленіе ихъ съ манифестомъ 12 апрѣля заставляло ожидать мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, какъ перваго шага къ тому. Какъ и слѣдовало впрочемъ предвидѣть, царь, не побуждаемый болѣе энергическою агитаціей, не далъ этого земскаго собора, но все же результатомъ агитаціи 1862—1863 гг. было ускореніе реформъ, которыя считались приготовленіемъ къ нему. Въ слѣдующемъ году были изданы Земское Положеніе и Судебные Уставы, а въ 1865 г. обнародованы были правила о печати, ослабившія цензуру и подававшія надежду, что печать будетъ въ скоромъ времени поставлена исключительно подъ контроль суда.

Открытіе въ 1865 г. земскихъ учрежденій оффиціальный журналъ «Сѣверная Почта» встрѣтилъ статьею, въ которой прямо назвалъ ихъ «школою представительныхъ учрежденій».

*) Мы не имѣемъ русскаго текста рѣчи, а переводимъ ее съ нѣмецкаго: Allg. Zeitung 1863 № 125, Beilage.

Школа эта затянулась очень долго. На то оказалось много причинъ. Во-первыхъ, время открытія земскихъ учрежденій оказалось неблагопріятнымъ для всякаго либерализма. Реакція польскому сепаратизму перешла незамѣтно въ общую реакцію, которою воспользовались сторонники николаевскихъ порядковъ. Что касается до западныхъ губерній, то, по крайней мѣрѣ, въ бѣлорусскихъ и малорусскихъ ихъ частяхъ польское движеніе, которое здѣсь могло опираться только на панскіе слои, вызвало въ массахъ народа сильную монархическую реакцію, которую, конечно, правительство постаралось раздуть. Оказавшіяся необходимыми здѣсь, и по народнымъ, и по правительственнымъ соображеніямъ, аграрныя реформы стали осуществляться, по совокупности всѣхъ наличныхъ условій, способомъ диктаторіальнымъ. Это обстоятельство было даже благовиднымъ резономъ, почему на Западныя губерніи, какъ и на Ц. Польское, не были распространены земскія учрежденія, между тѣмъ какъ явное сепаратистическое настроеніе польскаго дворянства дало правительству резонъ прекратить здѣсь и дѣйствіе сословныхъ дворянскихъ собраній. Такимъ образомъ огромная полоса Европ. Россіи осталась безъ всякаго представительства,—а безъ нея и общеимперское представительство являлось бы чѣмъ то оборваннымъ и ненормальнымъ.

Въ самихъ 35-ти губерніяхъ, въ которыхъ было введены всесословныя земства, вопросъ объ имперскомъ представительствѣ оказался еще преждевременнымъ, такъ какъ въ земствахъ едва сошлись вмѣстѣ всѣ сословія и при томъ и такія, которыя до того не обсуждали еще публично не только имперскихъ, но и уѣздныхъ дѣлъ. Надо было время разнымъ сословіямъ «хоть оглядѣться». А пока всесословныя земства только парализировали политическія стремленія дворянскихъ собраній, которыя одни, по закону, имѣли право петицій прямо къ коронѣ. Когда въ 1865 г. дворянство московской губ. подало адрессъ о «созваніи общаго собранія людей отъ земли Русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству» (перепечатанъ въ 195 № «Колокола» изъ «Вѣсти» 14 янв. 1865 г.), то Александръ II отвѣтилъ отказомъ, а вслѣдъ за тѣмъ даже ограничилъ старое дворянское право ходатайства, заявивъ въ рескриптѣ мин. внут. дѣлъ, что «ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ

сословій и брать на себя починъ въ вопросахъ, рѣшеніе которыхъ зависитъ исключительно отъ Верховной Власти»

И характеристично, что въ свое время этотъ отвѣтъ царя на дворянское конституціонное прошеніе даже не вызвалъ въ обществѣ неудовольствія, а шагъ московскаго дворянства былъ даже почти осмѣянъ въ «Колоколѣ» въ статьѣ «Прививка конституціонной оспы», гдѣ Герценъ чуть не сочувственно выразился: «Царь земщины отдѣлался на первый случай удачнѣе безземельнаго царя» *).

Не знаемъ съ точностію, можно ли утверждать прямую связь между двумя явленіями, но во всякомъ случаѣ интересно, что вслѣдъ за московскимъ прошеніемъ о земскомъ соборѣ появились новыя правила о печати (6 апр. 1865 г.), которы все-таки представляютъ уступку либеральному движенію.

Съ тѣхъ поръ до самого конца 70-хъ годовъ ни одно дворянское собраніе не представляло уже прошеній о земскомъ соборѣ. Не представляли ихъ и земскія собранія, какъ по указаннымъ причинамъ, такъ и потому, что въ первое время даже среди передовыхъ людей изъ земцевъ,—которые тогда почти всецѣло принадлежали къ дворянскому классу, даже у тѣхъ, которые видѣли тѣсноту рамокъ, отведенныхъ правительствомъ земству, господствовало мнѣніе, что уже для самого пріобрѣтенія довѣрія низшихъ классовъ, безъ согласія представителей которыхъ невозможно никакое политическое требованіе земствъ, — необходимо сначала наполнить готовыя уже рамки полезною дѣятельностію, а потомъ уже поднимать рѣчь объ ихъ расширеніи.

Надо впрочемъ отмѣтить, что много парализовала политическое сознаніе въ земствахъ и теорія, которой держались московскіе славянофилы и самодѣльные россійскіе Гнейсты,—будто мѣстное самоуправленіе можетъ существовать независимо отъ политической формы государства. Теорія

*) Судя по этой статьѣ Герцена, поводомъ къ адрессу московскаго дворянства было опасеніе, чтобы назначеніе В. Кн. Константина Николаевича предсѣдателемъ госуд. совѣта не повело льготъ полякамъ. Намекъ на это опасеніе можно увидѣть въ словахъ адресса: „Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть».—Нѣтъ, господа, этимъ путемъ до свободы не дойдете! замѣтилъ по этому поводу Герценъ.

эта изложена была и въ книгѣ кн. А. Васильчикова «Самоуправленіе», которая, благодаря своимъ многимъ достоинствамъ, пользовалось уваженіемъ у земцевъ. (Критику этой теоріи см. въ III т. соч. Градовскаго «Начала госуд. права»). Свою долю вліянія имѣло и старое опасеніе «дворянскаго парламента», распространенное именно въ болѣе демократической части дворянства и литературы и продиктовавшее Кавелину еще въ 1861—62 г., во время тогдашняго либеральнаго движенія въ дворянскихъ собраніяхъ, его брошюру «Дворянство и освобожденіе крестьянъ», въ которой вліятельный писатель совѣтовалъ дворянамъ, вмѣсто конституціонныхъ вожделѣній, сойтись съ народомъ въ дѣлѣ мѣстнаго самоуправленія. Впрочемъ въ 1865 г., при открытіи земства, самъ Кавелинъ писалъ своимъ роднымъ: «отъ успѣха земскихъ учрежденій зависитъ вся наша будущность и отъ того, какъ они пойдутъ, будетъ зависѣть, готовы ли мы къ конституціи и скоро ли мы ее получимъ»,—но тутъ же порицаетъ конституціонную попытку московскаго дворянства, говоря: «выходки московскаго дворянства скорѣе отдалятъ насъ отъ этой цѣли, высказывая все наше малолѣтство и пошлость. Выказывая безсильную злобу и запоздалое сожалѣніе о блаженной памяти крѣпостномъ правѣ, дворянство московское только раздражаетъ противъ себя царя, всѣхъ людей, видящихъ дальше своего носа, и всѣ прочія сословія. Изъ Коломны крестьяне прислали по этому случаю адресъ государю. Пора бросить глупости и начать дѣло дѣлать, а дѣло теперь въ земскихъ учрежденіяхъ и нигдѣ больше». (Вѣстн. Евр. 1886, окт. 758—759). Большая часть легальныхъ демократовъ въ земствѣ и литературѣ смотрѣла тогда на конституціонализмъ и земство, какъ Васильчиковъ и Кавелинъ,—съ тою разницею, что изъ литераторовъ болѣе радикальные иронизировали даже и надъ земствомъ, какъ надъ барскимъ парламентаризмомъ въ миніатюрѣ (см. «Новый Нарцизъ» Щедрина и др.).

Въ 60-е годы изъ земскихъ собраній только одно петербургское въ январѣ 1867 г. подошло было къ вопросу о земскомъ соборѣ, обсуждая послѣдствія финансоваго закона 21 ноября 1866 г., которымъ ограничивалось страннымъ образомъ право обложенія земствомъ промышленныхъ заведеній. Въ довольно рѣзкихъ рѣчахъ гр. Андр. Павл. Шуваловъ

подвергъ критикѣ, какъ законъ этотъ, такъ и способъ его выработки „канцеляріями", и предложилъ просить объ обсужденіи вопросовъ, затронутыхъ этимъ закономъ, — „общими силами и совмѣстнымъ трудомъ, какъ административной власти, такъ и земства русскаго. Говорю: Земства Русскаго, сказалъ гр. Ш., потому, что вопросъ, разработанный отдѣльно, по разнымъ губернскимъ собраніямъ, можетъ имѣть тотъ-же самый недостатокъ, т. е. быть односторонне разработанъ". Въ собраніи предложеніе гр. Шувалова было смягчено (и затемнено) такою формулировкою: „совокупными силами и одновременнымъ трудомъ центральной администраціи и Земства". (Колоколъ, 1867, № 338).

Правительство отвѣтило на это закрытіемъ петербургск. губ. земскихъ учрежденій, а также высылкою нѣсколькихъ земцевъ въ вост. г. и потомъ за-границу, — но выставивъ на видъ не столько самое постановленіе пет. земск. собр., сколько рѣзкое порицаніе имъ администраціи*). Другія земства не поддержали петербургскаго, хотя повсюду законъ 21 Ноября вызвалъ неудовольствіе: многіе называли его въ собраніяхъ равносильнымъ уничтоженію земствъ. Мы слышали отъ передовыхъ земцевъ мнѣніе, что имъ нельзя было втягивать неокрѣпшія еще учрежденія въ открытую борьбу съ правительствомъ, особенно въ виду настроенія низшихъ классовъ, которые еще не сознали связи между чиновничествомъ и формой правленія. Съ своей стороны правительство не заявляло себя противникомъ постановленія петербургск. земства въ основѣ и даже въ его окончательной редакціи и не созывая, конечно, общаго собранія „Русскаго Земства", изъявляло намѣреніе прибѣгать къ совѣтамъ отдѣльныхъ земскихъ собраній, напр., предложивъ имъ разработку вопроса о подушной подати въ 1870 году Земства очень усердно поработали надъ этимъ вопросомъ; нѣкоторыя представили замѣчательные доклады по всему податному вопросу, — а правительство положило всю эту работу подъ сукно!

Очень медленнымъ опытомъ лучшіе земцы были приведены къ сознанію невозможности плодотворной дѣятельности въ мѣстныхъ учрежденіяхъ безъ общей политической свободы. Оказалось, что тѣсныя рамки дѣятельности земскихъ

*) Пет. губ. з. управа предлагала обжаловать министра внутр. дѣлъ въ сенатъ.

учрежденій еще болѣе стѣсняются опекою надъ ними бюрократіи, привыкшей къ произволу *). Высшее правительство, уже послѣ первыхъ началъ земства, стало принимать рядъ ограниченій даже и тѣхъ правъ, какіе даны были Положеніемъ 1864 года (ограниченіе права обложенія налогами промышленныхъ доходовъ, губернаторская цензура извѣстій о земствѣ, расширеніе права предсѣдателей надъ предложеніями и рѣчами гласныхъ и т. п.) Кромѣ того оказалось, что земство не можетъ успѣшно дѣйствовать при данномъ устройствѣ административно-полицейскомъ, частная реформа котораго, сдѣланная правительствомъ (установленіе назначаемыхъ исправниковъ, вмѣсто прежнихъ избираемыхъ, хотя однимъ дворянствомъ) отняло у полиціи послѣднюю зависимость отъ населенія, надъ которымъ полиція окончательно налегла грубѣйшимъ гнетомъ послѣ учрежденія (1878 г.) „института урядниковъ“. Исходившіе отъ самодержавнаго правительства новыя мѣры и законы шли совершенно въ разрѣзъ съ начинаніями земцевъ въ пользу населенія Это надо сказать особенно о министерствѣ народнаго просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), которое вело ожесточенную войну съ земствомъ, и, наконецъ, организовало свою борьбу съ земскими школами Положеніемъ о школахъ и инспекціи 25-го Мая 1874 года, которымъ отмѣнялось болѣе либеральное Положеніе 1864 года. Вообще же на каждомъ шагу обнаруживалось отсутствіе перваго условія общественной дѣятельности: правъ личныхъ, особенно неприкосновенности лица и свободы печати, которыя правительство все болѣе стѣсняло съ 1866 г., расширяя административную ссылку и произволъ цензуры **).

---

*) Подробности въ брошюрѣ З. С. «Восемьнадцать лѣтъ борьбы чиновничества съ земствомъ». (Отд. оттискъ изъ «В. Слова») и въ «В. Словѣ» же «Земская хроника, № 57 и 58: Работа и препятствія по народному образованію, № 59. Земство и администрація въ экономическихъ вопросахъ». Ростъ сознанія у дальновидныйшихъ земцевъ необходимости общей земской думы можно прослѣдить по заграничнымъ брошюрамъ Кошелева, начиная съ «Наше положеніе» (1874) Ср. «Записки Кошелева», стр. 199 и слѣд. Итоги см. въ прекрасной запискѣ елисаветградскаго земства «О препятствіяхъ къ дѣятельности земства», въ «Вольн. Словѣ» № 55.

**) Въ 1871 г. издано было положеніе о производствѣ дознаній по политическимъ дѣламъ жандармами съ участіемъ прокуратуры, а также о порядкѣ административной ссылки. Эти положенія освящали жандармско-

Въ довершеніе въ послѣднюю половину 70-хъ годовъ два явленія, одно изъ внѣшней, а другое изъ внутренней политики, хотя и не входящія прямо въ оффиціальный кругъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій, чувствительно задѣли все населеніе Россіи и должны были такъ или иначе откликнуться и въ земствѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Въ внѣшней политикѣ ходъ всемірной исторіи приблизилъ къ концу вопросъ о ликвидаціи Турціи, отъ рѣшенія котораго зависитъ важный для Россіи (особенно Южной) вопросъ о свободѣ выхода изъ Чернаго моря на міровыя морскія дороги. Съ 1875 г., съ начала герцеговинскаго возстанія, русское самодержавное правительство, которое съ 1863 г. осложнило свой деспотизмъ и централизацію еще политикою „обрусенія“ (обвеликорусенія) окраинъ“, — оказалось неспособнымъ справиться съ этимъ дѣломъ и на дипломатическомъ, и на военномъ полѣ, и въ отношеніяхъ съ народами балканскими и едва-едва одолѣло даже одинокую на этотъ разъ Турцію. При этомъ ходъ войны, съ неспобностію вождей, воровствомъ и т. п. заставилъ русское общество пережить впечатлѣнія севастопольской войны и поставилъ передъ нимъ опять вопросъ о земскомъ соборѣ*).

полицейскій произволъ, до тѣхъ поръ имѣвшій внѣ законный, такъ сказать отеческій характеръ, и котораго отмѣны ожидалась со времени введенія судебной реформы. Въ 1872 г. дворянство московской губерніи ходатайствовало объ ограниченіи жандармскихъ арестовъ и административной ссылки, какъ противныхъ правамъ дворянства, и просило чтобы арестованному дворянину было предоставлено право, по истеченіи двухъ недѣль, требовать отданія его подъ судъ. Въ 1872 г. право запрещенія книгъ и журналовъ предоставлено не суду, а чиновникамъ, т. е. комитету министровъ, — и началось сожженіе журнальныхъ книжекъ. Около этого времени московская дума ходатайствовала о свободѣ печати, но объ этомъ ходатайствѣ мало извѣстно.

*) Связь между внѣшней и внутренней политикою Россіи мы разбирали передъ войною, во время ея и тотчасъ послѣ въ статьѣ «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ средствъ» (въ газ. «Молва», которая была за нее запрещена на 8 мѣс.) и въ женевскихъ брошюрахъ: «Турки внутрен. и внѣшніе» (1876) «Внутрен. рабство и война за освобожденіе» (1877). «До чего довоевались»? (1878; перепечатана въ Петербургѣ, въ типографіи «Земли и Воли» подъ заглавіемъ «Выигрыши послѣдней войны»; въ концѣ ея мы сдѣлали обращеніе къ арміи, которая только что вынесла на себѣ послѣдствія существующей въ Россіи полит. системы). Въ двухъ послѣднихъ брошюрахъ мы изложили и политическую программу, примыкающую къ программѣ украинскихъ федералистовъ-панславистовъ 1847 г. (Костомаровъ, Шевченко и др.) Съ 1876 г., со времени вторичнаго и еще болѣе, чѣмъ съ 1863 г., жестокаго запрещенія

Внутри Россіи сложилось къ 70-мъ годамъ, почти совсѣмъ сбоку отъ земской работы, соціально-революціонное движеніе, какъ изъ западно-европейскаго соціализма, такъ и изъ туземнаго народничества, югозападную струю котораго еще въ 60-е годы помѣщики-поляки прозвали хлопо-(мужико-) маніей. Оно приняло извѣстный, «нигилистическій», характеръ именно вслѣдствіе отсутствія въ Россіи политической свободы *). Правительство, котораго агенты, въ родѣ гр. Петра А. Шувалова, сначала эксплуатировали первыя проявленія этого теченія, съ цѣлью реакціи аристократической и бюрократической, совершило въ борьбѣ съ соціалистами столько фактовъ произвола и насилія (особенно съ 1874 года), что довело соціалистовъ до отчаяннаго протеста (вооруженное сопротивленіе при арестѣ кн. Циціанова еще въ 1875 году, а потомъ рядъ ихъ, начиная съ одесскаго 26 Янв. и кіевскаго 28 Марта 1878 г.: покушеніе на об.-полиц. Трепова 24 Января 1878 г., оправданное присяжными 31 Марта, покушеніе на товарища прокурора Котляревскаго въ Кіевѣ 23 Февраля и убіеніе тамъ-же жанд. б. Гейкинга 25 мая 1878 г. при чемъ въ первый разъ являются прокламаціи, подписанныя „Исполн. Комитетомъ р. с.-рев. партіи“).

Русское соціалистическое движеніе 70-хъ годовъ примыкаетъ, по своимъ политическимъ идеямъ, къ тѣмъ теченіямъ въ 60-хъ годахъ, которыя относились отрицательно къ „ли-

---

украинской литературы въ Россіи, здѣсь не стало мѣста даже для болѣе скромныхъ, культурныхъ, стремленій украинскаго автономизма, а потому и въ немъ должно было усилиться оппозиціонное политическое теченіе, чѣмъ и объясняется поддержка, какую оказывали русскимъ оппозиціоннымъ стремленіямъ украинофилы не только въ Россіи, но и въ Галиціи; см. дальше.

*) Интересно, что почти такое же мнѣніе было высказываемо въ 1862 г. даже Катковымъ, слова котораго здѣсь не лишнимъ будетъ воспроизвести: «Напрасны будутъ всякаго рода отрицательныя мѣры противъ этихъ отрицательныхъ явленій. — не только напрасны, но и вредны. Всякаго рода стѣсненія и преслѣдованія, оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ съ теченіемъ времени усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою. Есть только одно вѣрное радикальное средство противъ этихъ явленій,— усиленіе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни. Чѣмъ богаче будетъ развиваться жизнь во всѣхъ своихъ нормальныхъ интересахъ, во всѣхъ своихъ положительныхъ стремленіяхъ, религіозныхъ, умственныхъ, политическихъ, экономическихъ, тѣмъ менѣе будетъ оставаться мѣста для отрицательныхъ силъ общественной жизни». (Р. В. 1862, іюль, 425—26. «О нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева»).

бераламъ" и къ „конституціи", которую часто называли „севрюжиной", (фраза Щедрина о помѣщикѣ, который не знаетъ, чего хочетъ „не то конституціи, не то севрюжины"). Но постепенно жестокости полиціи привели и р. соціалистовъ къ борьбѣ сначала съ агентами правительства, а потомъ со всею его политической системой.

Такимъ образомъ совокупность опытовъ, которые сдѣлали разные элементы въ русскомъ обществѣ, въ ихъ соотношеніяхъ съ правительствомъ, привели, именно около 1878 года къ тому, что конституціонныя стремленія должны были вырваться наружу при первомъ удобномъ поводѣ. Поводъ этотъ дало обращеніе правительства къ обществу, по поводу убійства Мезенцева (4 авг. 1878 г.) и рѣчь императора въ Москвѣ (20 ноября) о необходимости «содѣйствія (общества), чтобы остановить заблуждающую молодежь на томъ пагубномъ пути, на который неблагонадежные люди стараются ее завлечь».

Теперь еще не выяснены побужденія Александра II къ такимъ обращеніямъ, но, кажется, онѣ находятся въ связи съ ролью, которую игралъ въ нашей внутренней политикѣ гр. Дм. Толстой. Помѣщенный реакціонной камарильей въ министры нар. просв. послѣ покушенія Каракозова въ 1866 г., гр. Дм. Толстой взялся уничтожить «корни нигилизма» своей школьной системой; а между тѣмъ послѣ 10—12 лѣтъ ея дѣйствія «нигилизмъ» только усилился. Гр. Толстому и его партіи оставалось свалить передъ монархомъ грѣхъ на общество, на отцовъ, которые-де недостаточно поддерживаютъ правительство. Монархъ, — наивный, какъ всѣ самодержцы, которыхъ, по слову Мордвинова, министры «самихъ держатъ», въ тепличной атмосферѣ, — и обратимся къ отцамъ. Эти отвѣтили критикой министерства народнаго просвѣщенія, да и всей системы управленія.

Пять земскихъ собраній (харьковское, полтавское, черниговское, — самарское и тверское), изъ которыхъ три представляютъ подъ рядъ лежащія южныя губерніи, — рѣшили отвѣтить правительству болѣе или менѣе прямымъ заявленіемъ о необходимости з е м с к а г о с о б о р а. Изъ этихъ заявленій цѣликомъ проникли въ печать три: харьковское, черниговское и тверское. Первое изъ нихъ изъявляло готовность бороться съ соціализмомъ („за общественный порядокъ, соб-

ственность, семью и вѣру“), но заявляло, что при теперешнемъ порядкѣ земскія силы не имѣютъ никакой организаціи: „Всем. Государь! Дай твоему вѣрному народу право самоопредѣленія, которое соотвѣтствуетъ его природѣ; дай ему то, что ты далъ болгарамъ“. На сколько извѣстно по отрывкамъ, въ такомъ же родѣ былъ и полтавскій отвѣтъ, который изъявлялъ готовность „вырвать зло съ корнемъ и окончательно побороть пропаганду, предпринятую врагами правительства и общества“, — но только подъ условіемъ организаціи общественныхъ силъ въ правильное представительство *).

Черниговскій отвѣтъ былъ чисто отрицательнаго свойства. Заявивъ, что думать, будто „идеи, въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей“, — что причины зла заключаются 1) въ организаціи среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній (системы гр. Дм. Толстого) 2) въ отсутствіи свободы слова и печати и 3) въ отсутствіи среди р. общества чувства законности (вслѣдствіе разобщенности) черниговское земство „констатировало свое полное безсиліе принять какія либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и доводило это до свѣдѣнія правительства» **).

---

*) О неблаговидности и недальновидности такой именно постановки вопроса о политическомъ представительствѣ мы говорили тотчасъ же послѣ того, какъ состоялись харьковскій и полтавскій отвѣты (Громада, т. IV, 260 и слѣд.) Но надо замѣтить, что фразы, въ родѣ „вырвать съ корнемъ зло“ слышались отъ земцевъ послѣ такихъ заявленій тогдашнихъ русскихъ соц. революціонеровъ, какъ, напр., прокламація, изданная именно послѣ убіенія ген. Мезенцева, въ которой было сказано, что соціалисты не имѣли ввиду бороться съ монархіей, а хотѣли только „вырвать у буржуазіи капиталъ вмѣстѣ съ жизнію“, и вступили въ борьбу съ правительствомъ только потому, что оно само пошло противъ нихъ. — О странности такой постановки вопроса и о неизбѣжности для соціалистовъ борьбы противъ всей системы самодержавія и неизбѣжно за извѣстныя политическія учрежденія, которыя могутъ быть, если не въ республикахъ, то въ конституціонныхъ монархіяхъ, — мы говорили тогда же. (Листок Громади, 1878. № 1. Коли битись, то не миритись).

**) Надо вспомнить, что Черниговское земство было одно изъ самыхъ дѣятельныхъ въ работѣ по народному образованію и выдержало упорную борьбу съ гр. Дм. Толстымъ за учительскую семинарію, которую министръ сначала всячески не позволялъ открывать, а потомъ хотѣлъ взять ее въ

Тверской ответъ представляетъ, какъ бы продолженіе черниговскаго, — но превосходитъ его положительностію требованій, превосходя въ тоже время харьковскій адресъ достоинствомъ. Къ сожалѣнію, онъ всего менѣе извѣстенъ публикѣ въ Россіи. Тверскіе земскіе гласные заявляли, что „политическіе преступленія и убійства... суть только внѣшніе признаки общихъ глубокихъ недуговъ", указывали на „препятствія", какія встрѣчаетъ земство въ своей заботѣ о школахъ со стороны министерства нар. просвѣщенія (гр. Дм. Толстого), „на ненормальный строй въ учебныхъ заведеніяхъ" (среднихъ) откуда массами выходитъ молодежь, недоучившаяся, а въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ на „подозрительность и стѣсненія, при которыхъ невозможно спокойное занятіе наукою, и при которыхъ, напротивъ, развиваются недовольство и озлобленіе, неоднократно проявлявшіяся въ студенческихъ волненіяхъ. Не при этихъ условіяхъ можетъ развиться въ средѣ молодежи уваженіе къ закону, столь необходимое для всякаго общества и столь слабо въ нашемъ обществѣ развитое. Блага просвѣщенія даются не одними только учебными заведеніями, но общественными учрежденіями, между которыми наиболѣе существенны самоуправленіе, самостоятельность личности, строго огражденной въ ея правахъ, независимый судъ и свободная печать". Указавъ на начатки реформъ, которыя должны были создать въ Россіи подобныя условія „мирнаго, законнаго развитія народа" и затѣмъ на административныя стѣсненія ихъ, — тверскіе земцы говорили въ концѣ: „Государь Императоръ въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига Болгарскаго народа, призналъ необходимымъ даровать этому народу истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда,

---

свои руки, что кончилось закрытіемъ ея. Это же земство ходатайствовало о допущеніи укр. языка въ начальное образованіе, противъ запрещенія 1876 г., въ изданіи котораго принималъ дѣятельное участіе опять таки гр. Дм. Толстой. Земства харьковское и полтавское обнаружили тоже украинское самосознаніе: первое въ 1878 г. праздновало юбилей Квитки и взяло на себя изданіе его сочиненій, а второе, немного спустя, назначило сумму на исправленіе и охрану могилы Шевченка даже въ чужой губерніи (Кіевской).

свободу печати *). Земство тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что Русскій народъ съ такою полною готовностію, съ такою беззавѣтною любовью къ своему Царю-Освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которые однѣ могутъ дать ему возможность выдти, по слову Государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія".

Какъ ни малочисленны и сдержанны были эти заявленія, они произвели сильное дѣйствіе на общество, — въ которомъ усилились толки о земскомъ соборѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя и р. соціальные революціонеры приняли, наконецъ, въ свою программу чисто политическія требованія, между прочимъ и „постоянное народное представительство"**) Активная борьба съ самодержавіемъ, въ которую вступила новая револ. группа „народовольцевъ", рѣчи ихъ товарищей на процессахъ несомнѣнно оживили либеральныя стремленія и во всемъ обществѣ, не смотря на то, что формы этой борьбы,

*) Изъ указаній харьковскаго и тверскаго земства на болгарскую конституцію видно еще разъ, какъ тѣсно связана внутренняя и внѣшняя политика Россіи,—какъ война 1877—1878 должна была поднять либеральное движеніе въ Россіи, а въ тоже время указаніе русскихъ либераловъ на Болгарію должно было заставить русск. правительство поддержать противоконституціонныя попытки въ Болгаріи, отчего произошли всѣ дальнѣйшія событія въ этой странѣ, которыя и теперь уже столько стоятъ Россіи.

**) Липецкій съѣздъ, на которомъ правильно сложился «Исп. Комитетъ» (III-й) и впервые ясно поставлена была политическая программа къ средѣ новѣйшихъ русск. соціалистовъ, отбылся 17—21 іюня 1879 г.; 1 № «Нар. Воли» вышелъ 7 окт. 1879. Этому повороту предшествовалъ цѣлый рядъ вооруженныхъ сопротивленій, преимущественно въ Кіевѣ, учрежденіе ген. губернаторствъ и почти осаднаго положенія по всей Россіи, вслѣдствіе покушенія Соловьева, относительно цѣлесообразности котораго существовало раздѣленіе въ средѣ петербургскихъ революціонеровъ-народниковъ, и затѣмъ рядъ смертныхъ казней въ Петербургѣ и Кіевѣ. Любопытно, что, по показанію біографа Желябова, не только «терроръ», т. е. систематическій отвѣтъ убійствомъ на преслѣдованія правительства,—«гораздо болѣе созданіе юга, чѣмъ сѣвера», но и принятіе на Липецкомъ съѣздѣ политической программы, требовавшей «учрежденій, при отсутствіи которыхъ никакая дѣятельность не возможна», — было поддерживаемо преимущественно «южанами». (А. И. Желябовъ, 16—23) Обстоятельство это какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что въ это время либеральныя политическія стремленія проявились съ наибольшею силою въ южныхъ же земствахъ и что въ заграничной печати политическая либеральная программа ставилась прямѣе въ украинскихъ публикаціяхъ. Югъ же Россіи былъ ближе и къ театру войны 1876—78 и потому видѣлъ отчетливѣе общее безобразіе господствующей въ Россіи политической системы.

особенно направленіе ударовъ прямо на царя, не всѣми оправдывались, а угрозы уцѣлѣвшихъ послѣ 1 Марта 1881 г. членовъ „Исполнительнаго Комитета“ и новому царю убійствомъ же, если онъ не созоветъ народнаго собранія, были, по меньшей мѣрѣ, нетактичны и преждевременны, и въ личномъ, и въ политическомъ отношеніи. Въ тоже время и идейная постановка политическаго вопроса „народовольцами“ была часто неудачна, — начиная отъ самаго имени „партіи Народной Воли“ (voluntas, а не libertas) которое, какъ многое другое въ заявленіяхъ партіи, очевидно вышло изъ компромисса новыхъ либеральныхъ стремленій со старымъ народничествомъ. Въ частности письмо „Испол. Комитета къ Александру III“, замыкавшее первый періодъ въ дѣятельности народовольцевъ и открывавшее второй, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо менѣе удачный, было, по своимъ политическимъ идеямъ, даже шагомъ назадъ, сравнительно съ тѣмъ, до чего уже было додумались „террористы“ въ 1879 г., — такъ какъ въ письмѣ этомъ такія основныя права человѣка и гражданина, какъ свобода печати, слова, сходокъ, требовались только „въ видѣ временной мѣры, впредь до рѣшенія Народнаго Собранія“, а о гарантіяхъ неприкосновенности личности безъ суда ни слова не говорилось и даже давалось за всю партію обѣщаніе „безусловно подчиниться рѣшенію Народнаго Собранія“ *). Но при тогдашнемъ настроеніи почти всего образованнаго слоя въ Россіи противъ самодержавія, на всѣ такіе недостатки постановки вопроса о политической

*) Что до гарантій личной неприкосновенности, то о нихъ не говорилось даже въ «Программѣ Испол. Комитета», что тѣмъ болѣе странно, такъ какъ и вооруженныя сопротивленія (наиболѣе героическія дѣйствія русск. соціал. революціонеровъ) и весь «терроризмъ» возникъ на этой почвѣ, и на Липецкомъ съѣздѣ объ этомъ говорилъ Желябовъ (см. біографич. брошюру о немъ, 23). По разсказу г. Тихомирова (La Russie Politique et Sociale, I изд. 281) одинъ изъ первыхъ южныхъ террористовъ, Ивичевичъ, — смертельно раненный при вооруж. сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февр. 1879 г., — говорилъ ему въ 1878 г. «мы будемъ наказывать правительство за всякое его злодѣйство: мы будемъ его терроризировать и заставимъ его признать права человѣка». — Чѣмъ объяснить эти пропуски и отклоненія въ Программѣ и Письмѣ И. К.? Забывчивостію ли, или компромиссомъ съ народничествомъ и якобинствомъ («захватъ власти»), которое всегда проявлялось въ журналѣ «Нар. Воля», а послѣ 1-го Марта 1881 г. и гибели болѣе либеральныхъ членовъ кружка взяло въ немъ верхъ?

свободѣ у народовольцевъ мало кто обращалъ вниманіе: каждый, вслѣдъ за многими изъ самихъ революціонеровъ, истолковывалъ и дополнялъ заявленія народовольцевъ по своему, въ болѣе или менѣе либеральномъ смыслѣ,—и «Письмо Исп. Ком. «Н. В.» къ Александру III» читалось на-расхватъ въ разныхъ слояхъ общества.

Таково было въ 1879—1881 гг. настроеніе значительной части русской „интеллигенціи", — хотя въ литературѣ (запрещенной и легальной) извѣстныя фракціи „народниковъ" все еще считали умѣстнымъ ворчать противъ „либерализма", какъ дѣла „буржуазнаго и дворянскаго", и бросать палки въ колеса освободительнаго движенія, думая, что онѣ тѣмъ служатъ „народнымъ" интересамъ. Что до сословныхъ и земскихъ собраній, то здѣсь, конечно, противуправительственное настроеніе было болѣе сдержанно, но и здѣсь, въ 1880—1881 гг. количество заявленій о созывѣ общаго представительства страны, а также о необходимости свободы печати и обезпеченія личной неприкосновенности, — правъ, совсѣмъ уже безцеремонно попиравшихся правительствомъ, подъ предлогомъ борьбы съ соціалистами-революціонерами, значительно увеличилось *).

Но ростъ политическаго земскаго сознанія за предпослѣдніе годы всего характернѣе выразился въ отвѣтахъ, какія вышли отъ земскихъ собраній на предложеніе правительства отъ 20 Декабря 1880 г. высказаться по вопросу о преобразованіи крестьянскихъ учрежденій подобно тому, какъ въ 1870 году земства призывались подать мнѣнія о подушной подати. Въ отвѣтахъ своихъ земства представили цѣлую систему преобразованія не только частно крестьянскихъ учрежденій, но всей системы мѣстной администраціи на началахъ самоуправленія и заканчивали на этотъ разъ свои представленія просьбой, чтобы для окончательной выработки проэкта административной реформы были созваны выборные отъ всѣхъ земствъ **). Важно, что

*) Важнѣйшія данныя сведены въ берлинской брошюрѣ 1883 г.— «Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи»; здѣсь упомянуты четырнадцать заявленій изъ этого времени,— и конечно, не всѣ. Интересно, что хотя нѣкоторыя изъ этихъ заявленій говорятъ и объ «вырываніи съ корнемъ крамолы», то другіе говорятъ «объ умиротвореніи общества», посредствомъ свободы.

**) См. въ «Вольн. Словѣ»: Земскіе проэкты въ №№ 52 и 53 и Земская

рядомъ съ стремленіемъ къ административно-политическому самоуправленію изъ земствъ выходили и проэкты экономическихъ мѣръ въ пользу крестьянства.

Правительство опять, какъ въ 1862—63 гг., поставлено было въ необходимость, сдѣлать уступки общественному движенію: цензура была ослаблена и образована коммиссія, которая должна была выработать проэктъ закона о подчиненіи печати только суду: ненавистный молодежи, печати и земствамъ министръ нар. пр. гр. Дм. Толстой былъ удаленъ; наконецъ, въ Февралѣ 1881 г. сталъ приготовляться (при участіи и наслѣдника) проэктъ подобія земскаго собора, въ видѣ созыва представителей отъ земствъ и большихъ городовъ для подачи совѣщательнаго голоса по дѣламъ, которыя предложитъ имъ правительство *). Отнюдь нельзя объяснить эти уступки только личнымъ характеромъ Александра II и гр. Лорисъ-Меликова, хотя, конечно, нельзя вовсе и отрицать доли значенія личностей въ такихъ дѣлахъ. Изъ записокъ Кошелева (стр. 218) видно, что гр. Лорисъ-Меликовъ еще въ 1875 г. высказывалъ ему сочувствіе его брошюрѣ „Наше положеніе". Но на него несомнѣнно должно было подѣйствовать пребываніе въ 1879 г. генералъ-губернаторомъ въ Харьковѣ, въ краѣ, три губ. земства котораго подали извѣстныя заявленія. Гр. Лорисъ Меликовъ, человѣкъ, сравнительно съ нашими обыкновенными „помпадурами" просвѣщенный и наблюдательный, вдобавокъ, какъ провинціалъ, не былъ ослѣпленъ узостію взглядовъ и своекорыстіемъ петербургской сановной бюрократіи и потому долженъ былъ понять, что дальше противиться общественному со-

---

хроника: Административно-политическіе вопросы (между прочемъ и о созданіи новой земской единицы, о б л а с т и) въ №№ 60—62.

*) Такъ опредѣляетъ составъ и задачу этого собранія г. Anatole Leroy Beaulieu, l'Empire des Tsars et les Russes. II, 598 и слѣд., — «со словъ одного министра того времени». Ср. показанія кн. Юрьевской, нѣсколько спутанныя, въ книгѣ г. V. Laferté. Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort, 1882, 24—25) и слова Кошелева дальше. По разсказу пр. W. Müller (Politische Geschichte der Gegenwart", XV. 208) рескриптъ Александра II на имя гр. Л. М. былъ подписанъ 25 февр. (ст. ст.) и говорилъ объ усиленіи государственнаго совѣта уполномоченными отъ дворянскихъ собраній, земствъ и городовъ. Нѣкоторые («В. Слово», 1882, № 44) увѣряютъ, что подобный проэктъ былъ представленъ еще въ концѣ 1879 г. В. кн. Константиномъ Ник. и гр. Валуевымъ, но тогда былъ признанъ несвоевременнымъ.

знанію было, если еще не непосредственно опасно, то очень неблагоразумно и для монархіи*).

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ коснуться довольно распространеннаго за границей и въ Россіи мнѣнія о томъ, что не случись убіеніе Александра II, политика гр. Л. Меликова довела бы Россію до политической свободы. Не знаемъ, каковы собственно были намѣренія самаго гр. Л. Меликова. На этотъ счетъ въ запискахъ Кошелева сказано только слѣдующее: „Отъ него (гр. Л. М.) узналъ я много интереснаго. На созваніе земской думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволеніе Государя; но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную коммиссію изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ. Неоднократно мы объ этомъ толковали, и если не во всемъ соглашались, то, по крайней мѣрѣ, я вынесъ изъ этихъ разговоровъ убѣжденіе, что мин. внутр. дѣлъ расположенъ сдѣлать все возможное для оживленія и утвержденія земскихъ учрежденій". (стр. 253). Изъ этихъ строкъ, равно какъ изъ извѣстнаго разговора гр. Л. Меликова съ петербургскими редакторами, въ которомъ онъ показывалъ перспективу пятилѣтняго срока для однихъ второстепенныхъ перемѣнъ,— видно, что онъ расчитывалъ тянуть дѣло долго, между тѣмъ какъ положеніе дѣлъ, — самая, если хотите, нер-

*) Учрежденіе послѣ покушенія Соловьева чистыхъ сатрапій, въ видѣ вр. генер. губернаторствъ, (5 апр. 1879) съ ихъ стѣснительными мѣрами, съ казнями, которыя иногда даже трудно было мотировать (какъ, напр., нѣкоторыя Чертковскія казни въ Кіевѣ), и массовыми ссылками въ Новороссіи, въ которыхъ потомъ, говорятъ, самъ гр. Тотлебенъ каялся, сваливая вину на г. Панютина, — все это подняло общественное сочувствіе къ револ. террористамъ и къ самому цареубійству, даже у людей, всего менѣе похожихъ на нигилистовъ, даже у такихъ, которые рѣшительно не одобряли покушенія Соловьева. (Мы могли бы сообщить нѣсколько характерныхъ случаевъ въ подтвержденіе этого показанія). Несчастный Александръ II самъ осуждалъ себя на смерть, не понявъ урока, даннаго ему присяжными, оправдавшими г-жу В. Засуличъ; отождествивъ самъ себя съ Треповымъ, Мезенцевымъ, и потомъ воплотившись въ Чертковыхъ и т. п., — онъ сталъ ненавистенъ соціалистамъ и по меньшей мѣрѣ противенъ значительной части русскаго общества ко времени взрывовъ на моск. курск. ж. дорогѣ (19 ноября 1879 г.) и въ Зимнемъ дворцѣ (5 февр. 1880 г.) Это довольно широко распространенное въ обществѣ сочувствіе къ цареубійству въ к. 1879 и началѣ 1880 гг. поддерживалось и слухами о симпатіяхъ наслѣдника къ земскому представительству, хотъ на Аксаковскій ладъ.

возность тогдашняго настроенія, (а для этой нервозности было не мало причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ, начиная съ 1876 года)—все требовало скорыхъ рѣшеній. Въ другое время, при болѣе нормальномъ ходѣ дѣлъ, при государѣ твердомъ, можно и даже, можетъ быть, должно бы было приготовлять страну къ земской думѣ посредствомъ „оживленія и утвержденія“ провинціальныхъ земствъ, или лучше очищенія ихъ отъ порчи, которую внесъ въ нихъ гнетъ самаго правительства. — но и въ такомъ случаѣ надо было прежде всего избавить земства отъ всѣхъ путъ, наложенныхъ на нихъ съ 1866 г. А гр. Л. М. не сдѣлалъ и этого. Далѣе, при данныхъ условіяхъ. — при характерѣ Александрѣ II и петербургскаго бюрократическаго сановничества (тотъ и другое себя показали еще во время реформъ въ 60-ые годы) даже въ случаѣ созыва совѣщательной коммиссіи, надо было ожидать колебаній и реакціи со стороны правительства и путаницы, во всякомъ случаѣ большей, чѣмъ какая бы была послѣ торжественнаго созванія земской думы. Очевидно, гр. Л. М. не хотѣлъ или не могъ оказать достаточно сильнаго давленія на царя въ пользу этой думы, конечно, и потому, что „общество“ и „земство“ сами не достаточно давили на правительство. Въ тоже время гр. Л. М. оказался плохимъ психологомъ и въ другомъ направленіи: въ сторону революціонеровъ, не понявъ, что именно гоненія противъ личностей ихъ и ихъ товарищей и ожесточили ихъ до систематическихъ усилій къ цареубійству. Вмѣсто того, чтобы смягчить положеніе политическихъ арестантовъ, если уже нельзя было дать полной амнистіи, гр. Л. М. еще усилилъ гнетъ надъ пол. каторжниками, въ противность даже представленіямъ начальника на р. Карѣ, г. Кононовича, который и долженъ былъ выйти въ отставку. Даже административную ссылку гр. Л. М. не только не отмѣнилъ, но даже не ограничилъ, такъ какъ, возвративъ нѣсколько десятковъ сосланныхъ прежде, онъ выслалъ еще болѣе новыхъ. Въ довершеніе, гр. Л. М. не прекратилъ и смертныхъ казней и допустилъ даже такія ни чѣмъ не мотивированныя казни, какъ Розовскаго и Лозинскаго въ Кіевѣ. (О нихъ см. въ „Громадѣ“, V. T, 87—88, 93). Быть можетъ, гр. Л. М. думалъ, показывая, что онъ „не щадитъ крамолы“, тѣмъ легче склонить монарха къ уступкамъ „благоразумному элементу

общества". Можетъ быть, и это было также тонко, какъ и медленные подходы къ земской думѣ. Но,—гдѣ тонко, тамъ и рвется! Это должно сказать также о политикѣ гр. Л. М., какъ и о тогдашнемъ либеральномъ настроеніи общества и земства. Послѣднее сдѣлало достаточно, чтобъ поставить вопросъ о свободѣ, но мало, чтобы дать ему безповоротное разрѣшеніе —при всякихъ случайностяхъ. Крупнѣйшія же изъ этихъ случайностей, а именно, возможность убіенія Александра II (или во всякомъ случаѣ новой къ тому попытки) а за тѣмъ неизбѣжность придворной реакціи, должны были быть предвидѣны людьми, которые желали быть серьезными политическими дѣятелями*)

Во всякомъ случаѣ даже послѣ смерти Александра II и паденія гр. Л. Меликова новое правительство не посмѣло сразу пойти противъ общественнаго движенія, все-таки довольно широкаго. Даже отложивъ въ сторону проэктъ о совѣщательной коммиссіи, о которомъ однакожъ оно сначала допускало толки и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ.

*) Со сказаннымъ выше ср. то, что мы говорили тотчасъ послѣ воззванія гр. Л. М. къ обществу (14 февр. 1880) въ брошюрѣ «Соловья баснями не кормятъ» и скоро за тѣмъ въ другой «Терроризмъ и свобода, муравьи и корова», гдѣ мы, критикуя иллюзіи тѣхъ «террористовъ», которые думали добиться въ Россіи свободы безъ широкаго общественнаго движенія (Морозовъ «Террористическая борьба») въ тоже время отвѣчали на странную статью «Голоса», — словно писанную по порученію гр. Л. М.,— въ которой «Голосъ» обращался къ намъ лично, чтобъ мы уговорили террористовъ не мѣшать муравьиной работѣ гр. Л. М. и его поклонниковъ. Интересно, что въ тоже самое время и на совсѣмъ противоположномъ намъ концѣ общества скептическое отношеніе къ политикѣ гр. Л. М. выразилось въ приложеніи къ нему (говорятъ гр. П. Шуваловымъ, б. шефомъ III-го отдѣленія) восточной басни о дервишѣ, который взялся выучить царскаго осла читать, но только въ 10 лѣтній срокъ, разсчитывая, что до тѣхъ поръ или царь, или онъ, или оселъ помретъ. Изъ сопоставленій показанія кн. Юрьевской и г. Ан. Леруа Больё выходитъ, будто указъ о совѣщательной коммиссіи былъ подписанъ Александромъ II 1-го Марта 1881 г. и былъ отосланъ гр. Л. М. съ тѣмъ, чтобы появиться въ печати на другой день, и будто, прибывъ, послѣ убіенія Александра II-го въ З. дворецъ, гр. Л. М. спросилъ Александра III, который принималъ участіе въ выработкѣ этого указа, — что дѣлать съ этимъ указомъ?—на что получилъ отвѣтъ: «не измѣняй ни въ чемъ приказанія моего отца; пусть это будетъ его завѣщаніемъ.» Если это правда, то почему же гр. Л. М. не поспѣшилъ обнародовать уже набранный указъ, какъ это сдѣлалъ въ свое время Ланской съ рескриптами, отъ которыхъ безповоротно началось дѣло освобожденія крестьянъ?

оно все-таки предложило обществу земскихъ свѣдущихъ людей. Гр. Игнатьевъ отъ имени правительства торжественно заявилъ, что „земскіе свѣдущіе люди" будутъ созываться и впредь", для того чтобы самые жизненные вопросы не были рѣшаемы безъ выслушанія мѣстныхъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ" *). Не смотря на то, что гр. Игнатьевъ призвалъ въ первую серію свѣдущихъ людей нѣкоторыхъ популярныхъ земцевъ, — въ томъ числѣ автора харьковскаго отвѣта 1879 года, — многія земскія собранія высказались, „что только вызовъ свѣдущихъ людей отъ всей Россіи, правильно организованный (по выбору отъ губернскихъ земскихъ собраній, какъ говорило новг. земство) можетъ помочь правительству осуществить столь многотрудныя, не терпящія отлагательства реформы". Положительно извѣстно, что въ такомъ родѣ успѣли высказаться двѣнадцать губ. земствъ: херсонское, полтавское, харьковское, бессарабское, смоленское, псковское, петербургское, новгородское, владимірское, костромское, казанское и калужское. Въ самарскомъ — подобное предложеніе было остановлено предсѣдателемъ, послѣ чего собраніе въ видѣ протеста разъѣхалось. Если къ этимъ 13 земствамъ присоединить еще черниговское, тверское и саратовское, въ которыхъ по другимъ поводамъ состоялись подобныя постановленія, а также таврическое, въ которомъ предложеніе о земскомъ соборѣ было отклонено 16 голосами противъ 10, при чемъ ораторъ противъ него (г. Щербань) находилъ его только несвоевременнымъ и безтакимъ тотчасъ послѣ 1 Марта 1881 г. и просилъ оказать „кредитъ (общества правительству) не долгосрочный", — то получимъ семьнадцать (изъ 35) земскихъ губерній, которыя опредѣленно высказались за земскій соборъ **).

*) Передъ тѣмъ полт. предводитель двор. г. Устимовичъ, авторъ проэкта конституціоннаго адресса 1879 г., заявилъ открыто въ губ. двор. собраніи, что онъ получилъ отъ гр. Игнатьева положительное увѣреніе, что правительство призоветъ представителей страны къ участію въ законодательной работѣ.

**) Изъ неземскихъ губерній въ Балтійскихъ существуетъ сильный автономный и, конечно, либеральный духъ въ дворянствѣ и бюргерствѣ нѣмецкомъ, а въ Западныхъ провинціяхъ,— не говоря уже о Ц. Польскомъ, — въ польскомъ элементѣ, конечно, есть либеральныя идеи, но русское земское движеніе до сихъ поръ не находило

Къ земскимъ заявленіямъ слѣдуетъ прибавить заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній (петерб. и черниг.) и городскихъ думъ (череповецк., казанск.), а также рѣчь московскаго городскаго головы г. Чичерина на обѣдѣ представителей городовъ во время коронаціи въ 1883 году *).

Всѣхъ этихъ заявленій было еще мало, для того чтобы заставить правительство уступить, когда оно того рѣшительно не хочетъ, но было достаточно для того, чтобы поставить вопросъ ребромъ: или уступить требованіямъ земствъ, или же уничтожить и эти самыя земства. Совершенно естественно, что правительство попробовало послѣднее средство. Уже и прежде, подъ предлогомъ борьбы съ „крамолой", правительство, *распоряженіями* 1879 г. и Положеніемъ о государственной охранѣ (1881 г.) поставило всѣ выборы земскіе и сословные, а также пренія въ собраніяхъ подъ произволъ губернаторовъ, т. е. собственно полиціи. А, наконецъ, когда и это не помогло, „министръ борьбы" гр. Дм. Толстой задумалъ уничтожить всесословное земство своимъ проэктомъ административной реформы. Говорятъ, что въ настоящій сезонъ, предстоитъ окончательное обсужденіе этого революціоннаго проэкта въ государственномъ совѣтѣ.

Мы назвали этотъ проэктъ революціоннымъ совершенно безъ шутокъ. Онъ имѣетъ въ виду сдѣлать tabula rasa по всѣмъ земскимъ губерніямъ со всѣмъ, что было сдѣлано въ нихъ для благоустройства въ теченіе слишкомъ двадцати

поддержки, даже нравственной, этихъ нерусскихъ элементовъ западной полосы имперіи и даже мало имъ извѣстно. Въ то же время соціальный и національный антагонизмъ, какой существуетъ въ этой полосѣ между высшими и плебейскимъ классами, тянетъ послѣднихъ къ императорской диктатурѣ. Если бы жизнь выработала формулы соглашенія между этими классами, а также между ихъ сознательными представителями и русскимъ земскимъ движеніемъ на началахъ болѣе или менѣе демократическихъ и либеральныхъ, съ сохраненіемъ государственнаго единства Россіи, но съ гарантіями для національностей и областнаго самоуправленія,—тогда борьба съ петерб. самодержавіемъ пошла бы, конечно, успѣшнѣе.

*) Сравнительная малочисленность либеральныхъ заявленій со стороны городскихъ думъ должна быть объяснена Городскимъ Положеніемъ 1870 г., которое почти совершенно устранило отъ участія въ муниципальныхъ дѣлахъ наиболѣе образованную часть населенія — квартирантовъ.

лѣтъ и кромѣ того отнять у Россіи всякую возможность законнаго перехода отъ одного строя вещей, признаннаго и недавнимъ правительствомъ и обществомъ ненормальнымъ, къ другому, которое общество совершенно отчетливо себѣ представляетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ того, что высказано было земскими представителями въ 1879—1883 гг. правительство людей, сколько-нибудь просвѣщенныхъ и дальновидныхъ, не могло не принять иной программы, кромѣ приблизительно слѣдующей:

1) Устраненіе всѣхъ искаженій земскаго положенія, сдѣланныхъ послѣ 1865 г.

2) Созывъ делегацій отъ существующихъ земскихъ собраній, по крайней мѣрѣ, губернскихъ, для выработки проэктовъ измѣненій въ земскомъ положеніи, указанныхъ практикою, а также проэктовъ административной реформы, уже обсуждавшейся въ земствахъ, и для изложенія правительству дальнѣйшихъ нуждъ страны.

3) Распространеніе земскихъ учрежденій на западную половину Имперіи *).

Рядомъ съ этимъ должно бы идти:

4) Огражденіе закономъ наиболѣе насущныхъ личныхъ правъ — какъ неприкосновенность лица безъ суда, свобода совѣсти, печати и прошеній (и уже для этого, сходокъ) — и наконецъ, какъ логическое послѣдствіе предыдущаго:

5) Амнистія политическимъ осужденнымъ и особенно возвращеніе правъ сосланнымъ административно.

При этихъ условіяхъ назрѣвшія нужды населеній Россіи были бы частію удовлетворены, — частію получили бы себѣ законные пути для своихъ выраженій, — и внутреннее

*) При изданіи Положенія о Земскихъ Учрежденіяхъ 1864 года очевидно имѣлось въ виду скорое распространеніе ихъ на Зап. губерніи, — такъ какъ въ примѣчаніи къ Положенію «предоставлено мин. вн. дѣлъ, по сношенію съ мѣстными ген.-губ. въ Западн. губерн. войти въ соображеніе о времени и способахъ введенія Пол. о земск. учрежденіяхъ въ губерніяхъ» этихъ. Что до Царства Польскаго, то здѣсь дѣйствіе установленныхъ въ 1861 г. совѣтовъ пріостановлено лишь по случаю вооруженнаго возстанія. Но со времени прекращенія польск. возстанія прошло уже 25 лѣтъ, — и теперь нѣтъ ровно никакого резона лишать земскаго представительства обширную полосу государства.

развитіе Россіи стало бы на нормальную мирную дорогу, а вмѣстѣ съ тѣмъ радикально измѣнилось бы положеніе ея среди сосѣднихъ народовъ, изъ которыхъ даже тѣ, какіе льнутъ къ ней, изъ страха разныхъ западныхъ поглотителей, боятся ея порядковъ и ихъ вліянія.

Но такъ какъ теперешнее правительство представляемое такимъ личнымъ врагомъ земства, какъ гр. Дм. Толстой, идетъ даже противъ такихъ минимальныхъ уступокъ земскому сознанію, то земскимъ людямъ ничего не остается, какъ возобновить натискъ на правительство въ томъ направленіи, въ какомъ онъ производился въ 1858—63 гг. а также въ 1879—83 гг. Но послѣ прежнихъ опытовъ и въ виду того, что теперь дѣло должно пойти о пріобрѣтеніи безповоротныхъ гарантій свободы личной и самоуправленія, этотъ натискъ долженъ быть гораздо рѣшительнѣе прежнихъ.

Если сравнить земскія заявленія 1879—83 гг. съ требованіями дворянскихъ собраній 1858—63 гг., то увидимъ несомнѣнный прогрессъ въ отчетливости и всесторонности сознанія сущности политической свободы, не говоря уже о широтѣ самого сознанія, которое теперь исходитъ отъ собраній всесословныхъ. Но въ энергіи заявленія этихъ требованій и даже въ организаціи силъ не только для ихъ проведенія, но и для самой внушительности ихъ заявленій, наши земскіе люди ушли очень еще не далеко. Такъ напр.. послѣднія заявленія о необходимости земскаго собора сдѣланы были половиною губернскихъ земскихъ собраній и въ нѣсколькихъ дворянскихъ, но отрывочно, почти безъ повтореній, безъ солидарности даже между сосѣдними губерніями. Стыдно сказать, — большая часть этихъ заявленій, даже не напечатана, не говоря уже о томъ, что достаточно было губернаторскихъ распоряженій, чтобы многія изъ нихъ не были даже доложены собраніямъ. Съ 1878 г. было нѣсколько опытовъ сговоровъ и съѣздовъ съ цѣлью установленія извѣстной солидарности и опредѣленія способовъ давленія на правительство. Но во во всѣхъ этихъ опытахъ было мало энергіи и организаціи и очень много вялости и распущенности.

Время еще не наступило для откровенной исторіи этихъ попытокъ, и мы бы вовсе даже не говорили о нихъ те-

перь, если бы въ печать уже не проникли нѣкоторыя свѣдѣнія о нихъ, не совсѣмъ точныя. Наиболѣе заслуживаетъ вниманія изъ этихъ свѣдѣній тѣ, которыя далъ американецъ г. Кеннанъ въ Century (1887 г., Nov.) и которыя теперь переводятся (съ № 105) въ „Общемъ Дѣлѣ“ подъ заглавіемъ „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“. Мы встрѣчаемъ здѣсь „Записку, поданную въ Мартѣ 1880 г. гр. Лорисъ Меликову 25-ю именитыхъ московскихъ гражданъ,—въ томъ числѣ нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и пользующихся извѣстностію писателей и прочихъ представителей образованнаго класса“ (земцевъ? т. е. собственниковъ???)—и въ предисловіи къ ней разсказъ о либеральныхъ заявленіяхъ земскихъ собраній 1879 и о сношеніяхъ земскихъ либераловъ —„Либеральнаго комитета“, какъ говоритъ г. Кеннанъ, отъ котораго будто бы исходила инициатива этихъ заявленій, — съ террористами, съ цѣлью уговорить ихъ не препятствовать земскимъ опытамъ возвратить правительство на путь реформъ.

Мы должны замѣтить, что въ разсказѣ г. Кеннана есть неполноты и неточности, и вся хронологія событій у него спутана. — Вполнѣ вѣрно здѣсь только то, что съ соціальными революціонерами, между которыми только что появились „террористы“, были въ 1878 г. въ Кіевѣ переговоры со стороны нѣкоторыхъ земцевъ, съ цѣлями, о которыхъ говоритъ г. К., — но только еще до убійства шефа жанд. Мезенцева (4 августа) и тотчасъ послѣ покушенія въ Кіевѣ на товар. прокур. Котляревскаго (23 Февраля) и убійства жандармскаго офицера б. Гейкинга (25 Мая), — фактовъ, по поводу которыхъ въ первый разъ явились прокламаціи, подписанныя „Исполн. Комитетомъ Р. С. Р. партіи“, который принималъ на себя эти дѣйствія. (Передъ тѣмъ покушеніе на об. полицейм. Трепова 24 Янв. 1878 г. представлялось, какъ дѣйствіе индивидуальное; процессъ г-жи В. Засуличъ былъ 31 март. 1878 г.) Уговаривая „террористовъ“ отказаться отъ ихъ способа дѣйствій или хоть пріостановить ихъ, земцы съ своей стороны предполагали коллективное заявленіе правительству: сначала 1) о возстановленіи земскаго положенія и правилъ о печати 1865 года 2) объ устраненіи административной ссылки и спе-

ціальныхъ судовъ по политическимъ дѣламъ*),—и затѣмъ, каковъ бы ни былъ отвѣтъ правительства — 3) о созваніи общаго земскаго представительства. Кіевскіе соц. революціонеры отказались принять сдѣланное имъ предложеніе,— и земцы привлекли къ себѣ только нѣкоторые „легальные" элементы болѣе или менѣе радикальнаго направленія — въ томъ числѣ и нѣсколько человѣкъ украинскаго направленія. Образовавшійся такъ союзъ нѣкоторые изъ его участниковъ назвали не безъ ироніи, какъ это часто бываетъ, — Лигою оппозиціонныхъ элементовъ или просто Лигою. Она распространила свои сношенія и на сѣверныя губерніи, гдѣ въ 1880—81 гг. даже получила большее, чѣмъ на югѣ, распространеніе и организацію, когда изъ нея образовалось „Общество Земскаго Союза и Самоуправленія", или просто Земскій Союзъ. Имя Лиги между тѣмъ пошло въ ходъ и, благодаря послѣдствіямъ тайны и безгласности, стало примѣняться къ самымъ разнообразнымъ обществамъ, о которыхъ ходили слухи. Такъ, когда графъ Игнатьевъ въ началѣ 1882 г. основалъ коммиссію для собранія свѣдѣній объ „обществахъ не столь вредныхъ", то указалъ ей кромѣ «Земской Лиги или З. Союза» съ его органомъ «Вольное Слово» еще три Лиги: Либеральную (въ Москвѣ), Южнорусскую и Земельную, которая будто-бы, при помощи Земской Лиги, думала заводить «интеллигентныя» земледѣльческія колоніи по идеямъ пр. Энгельгардта. (Пятое общество было „Черный Передѣлъ"). Въ публикѣ называли Лигой и „Добровольную Охрану", которая, какъ говорили, также имѣла въ виду собраніе земскаго собора (см. въ «Вольномъ Словѣ № 41, „Дѣятельность «Свящ. Дружины» и и программа «Добров. Охраны»), и даже «Священную Дружину» или «Друж. Спасенія», добровольныхъ жандармовъ и шпіоновъ, возникшую при градон. Барановѣ, члены

*) Какъ минимумъ въ этомъ отношеніи, предполагалось простое возвращеніе къ первоначальной редакціи Раздѣла II кн. III Устава уголовнаго судопроизводства по Суд. Уставамъ 1864 г., по которой обыкновенныя полит. преступленія подлежали вѣдѣнію судебныхъ палатъ, а не совершенно инквизиціонныхъ особыхъ присутствій сената, установленныхъ новой редакціей 1872 г., а также отмѣна совершенно противныхъ духу Суд. Уставовъ 1864 г. «правилъ о порядкѣ дѣйствій чиновъ корпуса жандармовъ по изслѣдованію преступленій» 1871 г.

которой замышляли даже дуэли и контр-аттентаты противъ воображаемыхъ ими заграничныхъ распорядителей цареубійствомъ *). Лица разныхъ категорій находили интересъ поддерживать это смѣшеніе понятій и посредствомъ печати **).

Сколько намъ извѣстно, болѣе или менѣе правильные переговоры земскихъ либераловъ съ террористами и прекратились на кіевскомъ опытѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о переговорахъ харьковскихъ земцевъ, о какихъ упоминаетъ г. Кеннанъ, которыя, по его словамъ, должны были быть уже послѣ убійства Мезенцева и въ которыхъ будто бы террористы предложили извѣстныя требованія, съ тѣмъ что если правительство удовлетворитъ ихъ, то „партія откажется отъ всякихъ фактовъ насилія и займетъ выжидательное положеніе". (Г. Кеннанъ излагаетъ здѣсь, но еще скромнѣе, тѣ именно пункты, которые предлагали въ Кіевѣ террористамъ земцы, а не наоборотъ). Послѣ такихъ переговоровъ, по словамъ г. Кеннана, и представленъ былъ харьков-

*) Слухи о такихъ замыслахъ подтверждаются словами одного изъ дружинниковъ г-ну Ал. Леруа Больё (Указ. сочин. II, 162).

**) См. «Общее Дѣло» и «Le Révolté» 1881—1882 гг., «Календарь Народной Воли» на 1883 г. и др., а акже «Правду» (террористически - анархическій органъ, издававшійся въ Женевѣ въ 1882—1883 гг. агентомъ Судейкина, г. Климовымъ). Изъ упомянутой коммиссіи при гр. Игнатьевѣ вышла, между прочимъ «Докладная Записка № II, о ходѣ секретнаго дознанія по дѣлу о противоправительственныхъ сообществахъ не столь вредныхъ, съ 1 февраля по 1 іюня 1882 г.» напечатанная въ 1883 году въ «Общемъ Дѣлѣ» № 54. (Передъ тѣмъ она была переведена въ краковской газетѣ «Nowa Reforma»). Въ запискѣ этой говорится о кіевскихъ либер. начинаніяхъ 1878 г., но крайне неточно, на основаніи показаній одного предателя изъ подсудимыхъ, а кромѣ того, частію невольно, по невѣдѣнію, столь свойственному русской полиціи, а частію съ умысломъ, сведено къ одной организаціи кіевское украинофильство, женевская «Громада», «Земскій Союзъ» съ «Вольнымъ Словомъ», «Добровольная Охрана» и «крамола», представляемая Теласовымъ и Тигромъ (г. Левъ Тихомировъ). Въ другой Запискѣ (№ 3), еще не попавшей въ печать, посвященной Либеральной Лигѣ, смѣшеніе круговъ и лицъ доходитъ до полнаго комизма. Читатель пойметъ, что еще не время критически разбирать подобные документы; обнародованіе же ихъ безъ критики можетъ служить только шантажу и цѣлямъ—судейкинскимъ. Въ этихъ цѣляхъ г. Климовъ и пускалъ въ Женевѣ въ русской эмиграціи упомянутую Записку № II. Вообще надо сказать, что въ то время Судейкины обнаружили гораздо больше ловкости для разъединенія оппозиціонныхъ элементовъ, чѣмъ эти послѣдніе для своего объединенія.

скимъ земскимъ собраніемъ извѣстный адресъ, редижированный г. Гордѣенкомъ.

Не смѣемъ рѣшительно оспаривать показанія г. Кеннана; быть можетъ, кто-нибудь изъ харьковскихъ земцевъ и имѣлъ подобный разговоръ съ какимъ-нибудь изъ русск. с. революціонеровъ, — но его нѣтъ резона обобщать, тѣмъ болѣе что нигдѣ въ Россіи никакой пріостановки политич. убійствъ не воспослѣдовало, адресъ же, составленный г. Гордѣенкомъ (членомъ Либеральнаго комитета, по словамъ г. Кеннана) послѣ убійства ген. Мезенцева, и не могъ вызвать симпатій у р. с. революціонеровъ къ земскимъ либераламъ. Вообще г. Кеннанъ слишкомъ обобщаетъ отрывочные данныя о р. либералахъ и террористахъ. Такихъ систематическихъ отношеній между ними не было: не могли т о г д а ни въ какомъ случаѣ установиться между ними и какія бы то ни было и соглашенія, по различію, какъ мнѣній, такъ и всего habitus'a обѣихъ сторонъ*)

Кіевская попытка 1878 г. интересна только, какъ опытъ извѣстной земской группы вступить въ прямыя отношенія съ

*) По показанію г. Кеннана условія, изложенныя «террористами» «Либеральному Комитету» были: 1) «устранить существующія стѣсненія слова и печати, 2) гарантировать права личности противъ капризныхъ, незаконныхъ и несоотвѣтственныхъ(?) поступковъ исполнительныхъ властей и 3) призвать тѣмъ и другимъ способомъ населеніе къ участію въ управленіи. По всѣмъ же другимъ свѣдѣніямъ, этотъ послѣдній пунктъ и былъ противенъ русскимъ соціалистамъ 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и первымъ террористамъ, ибо былъ равносиленъ «конституціи». По словамъ біографа Желябова (стр. 16), южные террористы въ 1878 году на замѣчанія: «Вы признаете значитъ необходимость политической свободы?» — отпирались: «намъ не нужно конституціи, намъ не нужны ихъ законы, — пусть просто смотрятъ сквозь пальцы, пусть мы фактически пользуемся свободой» (конечно, соціалистической агитаціи!). Петербургская прокламація по поводу убійства Мезенцева, послѣ упомянутаго выше изложенія взгляда соціалистовъ на буржуазію и правительство, — ставитъ послѣднему такія требованія: 1) свобода слова и печати, 2) судъ присяжныхъ для политическихъ процессовъ и 3) амнистія за прежнія политическія преступленія», — но ни слова не говоритъ о «призваніи тѣмъ или другимъ способомъ населенія къ участію въ управленіи» (Tikhomirof, La Russie politique et Sociale, 1 изд., 440). Сколько намъ извѣстно, благосклонное отношеніе къ «конституціи» появилось только къ концу 1878 г. у нѣкоторыхъ кіевскихъ соц. революціонеровъ, какъ, напр., у Осинскаго, но считалось ихъ товарищами за мнѣніе, вполнѣ еретическое.

революціонерами, а также какъ шагъ, который повелъ за собою опытъ извѣстной организаціи разныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Не добившись соглашенія съ соціалистами-террористами, кіевская Лига рѣшилась все-таки вести агитацію по земствамъ разныхъ губерній для достиженія указанныхъ выше цѣлей, а также оказывать помощь опубликованію разныхъ недовольствъ существующимъ полит. порядкомъ и для этого отправила нѣсколько рукописей для напечатанія въ Галицію. Изъ этихъ рукописей скоро напечатана была и выпущена въ свѣтъ брошюра „Мартовское движеніе студентовъ кіевскаго университета въ 1878 г.“ (тогда было выключено 170 студентовъ, изъ которыхъ многіе были высланы въ дальныя губерніи, при чемъ произошли уличныя демонстраціи, противъ которыхъ въ Москвѣ выступили знаменитые мясники). Другія же двѣ брошюры: „Русская молодежь, правительство и общество; съ приложеніемъ протеста харьковскаго университета (противъ избіенія студентовъ казаками) и доклада совѣта с. петерб. университета“ (объ отношеніяхъ полиціи къ студентамъ) и самая интересная въ политическомъ отношеніи брошюра „Ближайшія задачи земства; съ приложеніемъ отвѣта черниговскаго губ. земскаго собранія на правительственное обращеніе“ и проч. — не увидѣли свѣта, потому что галицкая (австрійско-польская) администрація, которая тогда только что начала борьбу у себя съ украинскимъ и польскимъ соціалистическимъ движеніемъ, арестовала лицъ, которымъ было поручено печатаніе и захватила самыя брошюры, хотя онѣ ничѣмъ не трогали, ни Австріи, ни Галиціи. Это было вовсе непредвидимое и ненеобходное препятствіе. *) Но оно было причиною, почему статья „Ближайшія задачи земства“ напечатана была только въ 1883 г. въ 56 №-рѣ „Вольнаго Слова“, когда (только!) намъ былъ доставленъ единственный спасенный ея экземпляръ („Земскій голосъ изъ недавнего времени“).

*) Мысль печатанія либеральныхъ публикацій для Россіи въ Галиціи — очень счастливая, но въ то время тамъ еще не сложились дальновидныя и достаточно вліятельныя группы украинскія и польскія, которые помогли бы такому дѣлу, прямо полезному для ихъ соплеменниковъ въ Россіи. Теперь едва начинаютъ онѣ слагаться.

Самыя замѣчательныя мѣста въ этой статьѣ: критика отвѣтовъ харьковскаго и полтавскаго земства на правительственное обращеніе 1878 г. и программа. Выписавъ обѣщаніе упомянутыхъ отвѣтовъ „вырвать съ корнемъ пропаганду“ и проч., — авторъ говоритъ: „Мы думаемъ, что Полтавское и Харьковское земства стали на ложный путь. Какія конституціонныя блага мы посулимъ русскому народу, когда напередъ обязуемся душить идеи и истреблять людей ими живущихъ?“ Программу же земства авторъ излагаетъ такъ: „Въ настоящую минуту земство должно написать на своемъ знамени три положенія: свобода слова и печати, гарантіи личности и созывъ Учредительнаго Собранія“*).

Послѣ неудачнаго опыта кіевской Лиги въ Львовѣ, только въ августѣ 1881 года „Земскій союзъ“ приступилъ къ изданію своего органа „Вольное Слово“ въ Женевѣ. Первоначальная редакція этой газеты стояла на пути кіевской Лиги, а именно рядомъ съ пропагандой идей земскаго самоуправленія, она имѣла въ виду помогать опубликованію идей всѣхъ оппозиціонныхъ направленій въ Россіи, кромѣ террористическаго, т. е. собственно принципіальнаго терроризма, такъ какъ „Вольное Слово“ смотрѣло на политическія убійства (не совсѣмъ точно называвшіяся терроризмомъ, такъ какъ терроръ французскихъ якобинцевъ былъ системою извѣстнаго правительства, а не заговорщиковъ), какъ на естественное послѣдствіе извѣстной правительственной системы и признакъ общественнаго раздраженія противъ нея**), но не какъ на цѣлесообразный способъ политической борьбы. Въ 1882 г. обострился еще одинъ мотивъ къ раздѣленію между „Вольнымъ Словомъ“ и р. революціонными кружками, такъ какъ въ это время въ „Народной Волѣ“ окончательно возпреобладало направленіе „якобинское“ — централистическое и даже диктаторіальное (см. „Нар. Воля“, № 8—9 и нашу статью «Нар. Воля о централизаціи рев.

*) Этотъ терминъ «Учредительное Собраніе»,— болѣе абстрактно радикальный, чѣмъ практическій по данному времени, вошелъ потомъ въ программу «Народной Воли». Авторъ статьи «Ближайшія задачи земства» самъ такъ радикаленъ, что настаиваетъ именно на Учредительномъ собраніи, предлагая земству «отвергнуть всякую конституцію, данную сверху» — какъ «конституціонную комедію.»

**) Ср. выше слова Тверскаго земства.

борьбы въ Россіи“ въ „Вольн. Сл.“ №№ 37—38) которое рѣшительно пошло въ разрѣзъ съ земскими стремленіями къ самоуправленію *). Изъ другихъ направленій въ русскомъ

*) Каковы были политическія идеи у разныхъ лицъ и въ кружкахъ, группировавшихся около «Исп. Ком. Нар. Воли» остается и до сихъ поръ недостаточно выясненнымъ. О существованіи различій между федералистами и централистами въ самомъ Исп. Ком. до 1 го Марта 1881 г. есть указаніе въ письмѣ къ намъ Желябова («Вольное Слово» № 39), а въ книгѣ г. Тихомирова (La Russie Politique et Sociale, I изд., 281, 440) есть намеки на коренныя различія между «террористами» и якобинцами, которыхъ г. Т. однихъ называетъ собственно «народовольцами.» Необходимо замѣтить, что съ якобинизмомъ, который въ комбинаціи съ соціализмомъ проповѣдывался въ 60-е годы въ «Мол. Россіи», въ 70-е гг. въ «Набатѣ» и послѣ 1 Марта 1881 г. возпреобладалъ въ «Нар. Волѣ» (по 1883 г. и потомъ перешелъ въ заграничный «Вѣсти. Народ. Воли»), случилось у насъ недоразумѣніе, едва ли еще не большее, чѣмъ съ «терроризмомъ». Французскіе якобинцы 1792-93 гг. вовсе не были заговорщиками, «захватившими власть» посредствомъ coup d'état въ деспотическомъ государствѣ, но партіей, которая организовалась уже при существованіи въ странѣ значительной свободы (со времени самого призыва къ états généraux въ 1788 г.) и которая имѣла за собою большинство въ нац. конвентѣ, каковой былъ созванъ предыдущимъ законодательнымъ собраніемъ и представлялъ законное правительство страны Какъ только якобинцы, — диктатура которыхъ, надо помнить, объяснялась еще и военнымъ положеніемъ, — потеряли поддержку этого большинства, между прочимъ черезъ попытки на coups d'état, — то потеряли и власть, — послѣ чего coups d'état удался уже ген. Бонапарту и тѣмъ только якобинцамъ, которые къ нему пристали. Въ русскихъ революціонныхъ кружкахъ недавняго времени якобинство имѣло себѣ источникомъ, кромѣ авторитарныхъ стремленій, свойственныхъ извѣстной части р. населенія, особенно столичнаго, своего рода компромиссъ новѣйшаго политическаго революціонаризма съ остатками стараго народничества, которые не могли разстаться съ вѣрою въ непосредственное осуществленіе соціалистическаго идеала. Такъ какъ иллюзію о соціалистическомъ большинствѣ въ русск нар. собраніи, которая сначала излагалась въ «Нар. Волѣ», трудно было поддерживать, а признать, что при политической свободѣ приложеніе къ жизни идей соціализма будетъ зависѣть отъ сознательной борьбы разныхъ классовъ на почвѣ самоуправленія, т. е. отъ медленной и болѣе или менѣе законной агитаціи, было довольно тяжело для многихъ «народниковъ-революціонеровъ», то оставалось только ухватиться за новую иллюзію—предварительнаго соц.-экономич. преобразованія Россіи посредствомъ революціонной диктатуры, а потомъ уже созванія народн. собранія. Эту иллюзію можно было бы оставить совсѣмъ безъ возраженій, если-бъ она не поддерживала въ извѣстныхъ кругахъ, особенно у молодежи, авторитарно-бюрократическихъ идей и не открывала даже возможности

соціалистическомъ движеніи даже довольно широко представлено было въ «Вольномъ Словѣ» 1881—1882 г. направленіе соціально-демократическое, заграничные публицисты котораго не задолго передъ тѣмъ издавали „органъ соціалистовъ-федералистовъ“ („Черн. Передѣлъ“). Но съ теченіемъ времени обнаружилась невозможность согласія между земскимъ самоуправленствомъ и чернопередѣльской соціаль-демократіей, которая все больше принимала антилиберальный и централистическій характеръ (см. особенно въ 34 и 35 №№ „Письма о рабочемъ движеніи“ и „Замѣтку отъ редакціи“) Чернопередѣльская соціаль-демократія была устранена изъ „Вольнаго Слова“, и газета приняла болѣе цѣльное направленіе, объявивъ себя прямымъ органомъ „Общества Земскаго Союза и Самоуправленія“ (См. передовую статью въ №-рѣ 37, 15 Мая 1882 г.). Она. впрочемъ, продолжала давать мѣсто голосамъ разныхъ направленій (даже въ защиту „террористовъ“, см., напр., въ №-рѣ 38 „На канунѣ терроризма“, ср. раньше въ № 10 „Замѣтка о взаимномъ отношеніи нарождающихся въ Россіи партій“) и много посвящала мѣста соціальному вопросу. слѣдя за разнородными проявленіями его въ Европѣ и Америкѣ (напр., здѣсь сдѣлано было первое на русскомъ языкѣ довольно обширное изложеніе ученія Г. Джорджа о націонализаціи земли) и выражая сочувствіе тѣмъ изъ соціалистическихъ направленій, которыя хотятъ разрѣшенія соц.-экономическихъ вопросовъ на почвѣ гражданской свободы и самоуправленія.

Въ концѣ-концовъ, впрочемъ, опытъ изданія земскаго органа въ видѣ „Вольнаго Слова“ нельзя признать удачнымъ, хотя бы уже потому, что собственно земскіе матеріалы стали поступать въ редакцію правильно только съ конца 1882 г., а въ Маѣ 1883 г. изданіе было уже прекращено.

Не могутъ либеральные земцы похвалиться своею энергіей и въ дѣлѣ организаціи законно-либеральнаго движенія въ земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ въ Россіи.

Достаточно было правительству припугнуть земскій либе-

примиренія разнаго рода народниковъ-якобинцевъ съ существующимъ царско-бюрократическимъ строемъ, какъ только наступило бы у нихъ разочарованіе въ вѣрѣ въ абсолютизмъ революціонный.

рализмъ высылкою нѣсколькихъ человѣкъ (и то «въ мѣста не столь отдаленныя") и даже выговорами, чтобы цѣлые планы о заявленіяхъ, напр., даже противъ административной ссылки,— оставлялись въ карманахъ. Наконецъ, нѣкоторые земцы и даже цѣлыя собранія, которыя просили общеземскаго представительства для борьбы съ крамолой, — доводили оппортюнизмъ не только за предѣлы морали, но и за предѣлы политической дальновидности и даже простаго разумѣнія общественныхъ явленій, такъ какъ русское правительство называетъ крамолой и соціальное движеніе вообще, и политическія убійства въ частности и все это окрещиваетъ именемъ анархизма. Между тѣмъ соціальное движеніе теперь неизбѣжно во всякой европейской странѣ, и, чѣмъ болѣе и чѣмъ давнѣе страна свободна, тѣмъ болѣе оно имѣетъ мирный характеръ и на оборотъ; политическія же убійства или представляютъ явленія случайныя, которыя могутъ быть вездѣ (покушеніе Пассананте на кор. Гумберта), или же, если становятся систематическими, какъ въ Россіи, то именно вслѣдствіе гнета и жестокостей правительства. Неизбѣжными теперь стали и проявленія соціальнаго терроризма (онѣ собственно существовали отъ вѣка, только теперь для нихъ придумана ново-анархическая теорія), — и, если въ въ Россіи продлится теперешній порядокъ, то онѣ станутъ многочисленнѣе и сознательнѣе*)

Г. Кеннанъ говоритъ со словъ своихъ знакомыхъ земскихъ либераловъ: «нельзя было ничего достигнуть мирнымъ способомъ, если террористы стали бы продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилія». Но именно въ такой постановкѣ вопроса и была вся ошибка земскихъ либераловъ: нужно было принять дѣйствительность, какъ она есть: и съ даннымъ правительствомъ, и съ террористами, — и построить свой планъ дѣйствій, при этихъ условіяхъ, на всякій случай, и при этомъ планъ дѣйствій, какъ мирныхъ, такъ и военныхъ. Собственно вполнѣ «мирныхъ способовъ» у либерализма въ Россіи и быть не можетъ, такъ какъ всякое заявленіе объ измѣ-

*) Пока толки извѣстной части русскихъ революціонеровъ, какъ, напримѣръ, «Молодыхъ Народовольцевъ», о фабричномъ и аграрномъ террорѣ (См. «Процессъ 21-го. Женева, 1888, стр. 17-16) остаются разговорами.

ненія высшаго управленія у насъ запрещено законами. Земскіе либералы должны были рѣшительно переступить черезъ это запрещеніе и хоть этимъ показать свою силу и передъ правительствомъ, и передъ террористами. Такъ какъ земскіе либералы такой силы не показали, то имъ довелось дожить до намѣренія правительства уничтожить даже обрѣзанныя уже земскія учрежденія и возвратить Россію къ николаевскимъ порядкамъ. Земскимъ либераламъ приходится теперь или помириться съ этимъ уничтоженіемъ и принять самимъ только «выжидательное положеніе» или же остановить правительство на гибельномъ для Россіи пути. Но въ настоящее время у нихъ остался только одинъ вполнѣ легальный путь: личныя заявленія императору или хоть членамъ государственнаго совѣта, которые захотятъ способствовать открытію царскихъ глазъ. Конечно, и этимъ путемъ можно достигнуть кой-какихъ результатовъ, впрочемъ, развѣ только чисто отрицательныхъ, напр., сохраненія status quo, да и то только при условіи, если этотъ пріемъ будетъ импонировать числомъ личностей. Но и для этого надобны энергія и сговоръ, а слѣдовательно и извѣстный рискъ *).

Коллективныя же заявленія въ собраніяхъ теперь меньше чѣмъ когда-нибудь, возможны безъ сговора и рѣшимости «выйти изъ легальности, чтобы вступить въ право»,— т. е. просто не слушаться ни губернаторскихъ, ни предводитель-

*) Вся наша статья была набрана, когда въ заграничныхъ изданіяхъ стали появляться вѣсти, что Толстовскіе проэкты встрѣтили чуть ли не единодушную оппозицію въ госуд. совѣтѣ и по всей вѣроятности отвергнуты будутъ и государемъ. (??) Если бы такъ и было, то это отнюдь не можетъ успокоить даже самыхъ умѣренныхъ сторонниковъ однихъ земскихъ учрежденій даже въ ихъ теперешнемъ видѣ. Вѣдь практика 25 лѣтъ показала, что даже примѣненіе Положенія 1864 г. невозможно при существующей общей системѣ администраціи и правительства въ Россіи, — не говоря уже о томъ, что практика эта показала и недостатки самаго этого Положенія и необходимость измѣненій въ немъ — въ болѣе демократическомъ и либеральномъ духѣ. Гдѣ ручательства, что эти измѣненія будутъ сдѣланы, даже если бы гр. Дм. Толстой и счелъ нужнымъ выйти въ отставку, когда нѣтъ ручательствъ даже на то, что его не замѣтитъ какой-нибудь новый гр. Валуевъ, Тимашевъ, Маковъ?.... По всему этому земскій вопросъ и даже вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г., остается во всякомъ случаѣ все въ томъ-же положеніи, какое мы имѣли въ виду, составляя нашу статью.

ских остановокъ преній, для чего надо, чтобы земцы хоть нѣсколькихъ губерній, которымъ придется открыть кампанію, не побоялись, по крайней мѣрѣ, административной ссылки *). Достанетъ ли теперь у земцевъ на это рѣшимости? — вотъ въ чемъ вопросъ! Пока, исторически обозрѣвая прошлое, мы должны сказать, что такихъ качествъ, какъ рѣшимость, у земскихъ либераловъ не было.

Эта, какъ и большая часть другихъ отмѣченныхъ выше слабостей нашего земскаго либерализма, можетъ быть объяснена недостаточнымъ количествомъ въ земскихъ кругахъ молодыхъ элементовъ радикальнаго направленія. А это объясняется въ свою очередь тѣмъ, что съ самыхъ 60-хъ годовъ, а особенно съ 70-хъ, наша молодежь выступала на политическую борьбу слишкомъ въ юномъ возрастѣ, прежде чѣмъ успѣвала получить спеціальное образованіе, а тѣмъ болѣе профессіональное положеніе, — а также и тѣмъ, что въ нашихъ радикальныхъ кругахъ вопросы собственно политическіе (государственно-административные) не пользовались вниманіемъ и даже вовсе отрицались для вопросовъ соціально-экономическихъ, которые одни считались *народными*, при чемъ эти послѣдніе вопросы представлялись у насъ какъ-то внѣ реальныхъ государственно-административныхъ учрежденій. Вотъ почему наши радикалы-народники не только не думали входить въ земство, но даже мало интересовались тѣмъ, что въ немъ дѣлается и думается.

Съ нѣкотораго времени это положеніе начинаетъ измѣняться, и теперь не рѣдко приходится слышать толки о необходимости сближенія радикаловъ съ «обществомъ», а слѣдовательно и съ земцами, которые представляютъ его наибольшую и наиболѣе независимую отъ службы часть, сближенія съ цѣлью совмѣстнаго добыванія политической свободы, къ признанію необходимости которой жизнь при-

*) Г. Леруа Больё сообщаетъ, что г. Гордѣенка и др. предположено было въ Петербургѣ выслать въ Сибирь и что только гр. Лорисъ Меликову удалось остановить эту мѣру (op. cit. 225). Не знаемъ, насколько вѣрно это свѣдѣніе, очевидно, полученное «отъ одного бывшаго министра.» Не извѣстно и то, сколько земцевъ поплатилось до сихъ поръ за либерализмъ, кромѣ г. Петрункевича, высланнаго изъ Черниговской въ Костромскую губ. Слухи, которые ходили о г. Виноргѣ изъ Таврической губерніи и г. Костлявцевѣ изъ Новгородской, не ясны.

вела, хотя и разными дорогами, народниковъ-радикаловъ, какъ и земцевъ. Это большой шагъ впередъ, который безплодно не пропадетъ. Но съ своей стороны мы опасаемся, какъ бы и это «хожденіе» въ общество и земство не привело къ разочарованію, подобному тому, какое послѣдовало за хожденіемъ въ народъ, — опасаемся, что въ настоящихъ нашихъ общественно-земскихъ кругахъ найдется только сознаніе необходимости и формъ политической свободы, но мало силъ, способныхъ на немедленную дѣятельную борьбу за нее,—такъ что можетъ оказаться, что нашимъ активнымъ радикаламъ собственно и сближаться будетъ не съ кѣмъ. Если это такъ, то нашимъ младшимъ поколѣніямъ радикальнаго направленія самимъ надо будетъ стать людьми общества и земцами и активными либералами. Это, конечно, замедлитъ установленіе въ Россіи политической свободы, но въ нашъ вѣкъ, когда общественное сознаніе ростетъ ускоренно, это замедленіе не можетъ быть слишкомъ продолжительнымъ. Правда, теперь всякое замедленіе можетъ подвергнуть нашу страну большимъ бѣдствіямъ, но общества и народы неизбѣжно несутъ наказанія за свою слабость, невѣдѣніе и ошибки. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эти наказанія пойдутъ Россіи въ прокъ, — и тогда, какова-бы ни была судьба теперешнихъ земскихъ учрежденій, но общественное мнѣніе въ Россіи станетъ, конечно, съ большей энергіей вновь на ту точку, на которую стали либеральныя дворянскія собранія 1858—1862 г. и земскія — въ 1879—1883 гг.

Суженаго конемъ не объѣдешь!

Если теперешнія земскія учрежденія будутъ отмѣнены, то либеральныя требованія появятся опять въ дворянскихъ собраніяхъ, какъ 1858—1862 гг.; если же земства, переживутъ нынѣшній кризисъ, то, спустя извѣстное время, онѣ опять «сдѣлаются,— говоря языкомъ московской реакціонной газеты, — театромъ конституціонныхъ сатурналій», какъ въ 1879—1883 гг.

Въ началѣ настоящаго очерка мы сказали, что либеральное движеніе въ Россіи ростетъ по неотразимымъ законамъ исторіи. Факты, которые мы изложили выше, показываютъ, что Россія вступаетъ въ періодъ, подобный тому, который

прошла, напр., Франція передъ 1788 г. и Пруссія передъ 1847 г. и который долженъ кончиться въ томъ же родѣ, въ какомъ онъ кончился въ названныхъ странахъ, т. е. политической реформой. Это должно произойти, какъ вслѣдствіе связей Россіи съ западной Европой, такъ и по ходу внутренняго развитія Россіи. Нѣтъ ничего неправильнѣе противопоставленія Россіи Западу, которое есть въ сущности отголосокъ односторонняго, исключительно вѣроисповѣднаго взгляда на жизнь и исторію. Даже если забыть цѣлую западную половину Россіи (отъ Новгорода до Украйны), имѣвшую всегда столько соприкосновеній и аналогій съ западной Европой, а остановиться на одномъ Московскомъ государствѣ, котораго учрежденія стали теперь рамкой для политической жизни всего населенія Россійской имперіи, то увидимъ что учрежденія эти, при всѣхъ своихъ мѣстныхъ отличіяхъ, принадлежатъ къ типамъ, общимъ всѣмъ большимъ европейскимъ континентальнымъ государствамъ христіанской эпохи. Во главѣ всѣхъ этихъ государствъ мы видимъ сначала монарха, окруженнаго различной силы совѣщательными земскими элементами, потомъ монарха самодержавнаго, окруженнаго исходящею изъ него бюрократіей, а, наконецъ, постепенную атрофію монархическп-бюрократическаго элемента передъ земскимъ выборнымъ, который самъ все болѣе демократизируется. Главное отличіе исторіи московскаго строя отъ исторіи родственныхъ ему европейскихъ вовсе не качественнаго характера и состоитъ лишь въ относительной отсталости видоизмѣненій его, которая объясняется запоздалостію появленія Московскаго государства на исторической сценѣ.

Сопоставленіе хронологическихъ данныхъ политической исторіи Московскаго государства и, напр., Франціи, съ которой оно наиболѣе сходно, такъ поучительно, что мы считаемъ нужнымъ даже и въ этомъ краткомъ очеркѣ напомнить нѣсколько крупнѣйшихъ изъ этихъ данныхъ.

Выдѣленіе Франціи изъ Каролингскаго конгломерата	въ 843 г.
Выдѣленіе Владимірско-Московскаго княжества изъ старо-русской политической системы около	» 1243 г.
разница на	400 л.

Окончательное сложеніе Etats Généraux во Франціи	» 1302 г.
Первый Земскій Соборъ въ Московскомъ государствѣ	» 1550 г.
	разница на 248 л.
Послѣднее собраніе Etats-Généraux.	» 1614 г.
Послѣдній Земскій Соборъ	» 1698 г.
	разница на 84 г.
Попытка созванія Etats-Généraux во время Фронды	въ 1649—1651 гг.
Попытка ограниченія самодержавія императрицы Анны	» 1730 г.
	разница на 79 л.

Такъ какъ разстояніе между этапами политической жизни Франціи и Россіи съ каждымъ изъ нихъ сокращается, то французскому собранію новыхъ Etats Généraux въ 1789 г. давно уже должно было бы соотвѣтствовать созваніе новаго Земскаго Собора въ Россіи. Это не случилось до сихъ поръ только вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій и осложненій положенія Россіи съ XVIII в. и между прочимъ вслѣдствіе своеобразнаго отраженія на ней европейскихъ событій.

Въ первыхъ Московское царство съ к. XVII в., послѣ присоединенія къ нему Малороссіи, пріобрѣло слишкомъ скоро на югѣ и западѣ обширныя области съ разнообразнымъ населеніемъ и учрежденіями *). Области эти не могли быть скоро приведены къ политическому единству инымъ способомъ, кромѣ въ началѣ диктаторіальнаго, съ извѣстными уступками мѣстнымъ земскимъ элементамъ (казакамъ и пр. въ Малороссіи, феодаламъ и отчасти городамъ въ Балтійскомъ краѣ) а потомъ, съ дальнѣйшимъ развитіемъ государственнаго объединенія, централизаціей бюрократической. Позже всѣхъ пріобрѣтенная область, Царство Польское, уже въ эпоху европейскаго либерализма, присоединена была да-

*) Въ этомъ пріобрѣтеніи дѣйствовала какъ экспансивная сила русскаго государства, такъ еще больше слабость сосѣднихъ державъ, вслѣдствіе національно-сословныхъ антагонизмовъ по всей полосѣ отъ Финляндіи до Чернаго моря.

же въ видѣ особаго конституціоннаго государства, какъ не задолго передъ тѣмъ и Финляндія, но не будучи такъ отрѣзана отъ остальной Россіи и географіей, и этнографіей, она подошла, наконецъ, подъ общее диктаторіально-бюрократическое ярмо. Между тѣмъ пока разныя области Россіи находились на различномъ положеніи, при чемъ новыя области пользовались многими привилегіями, въ Россіи не могла выработаться солидарная оппозиція самодержавію; сепаратистическія же стремленія въ какой-нибудь изъ нихъ вызывали въ области центральной реакцію въ пользу этого самодержавія, подъ управленіемъ котораго области эти были пріобрѣтены.

Къ сказанному надо прибавить, что самое превосходство въ цивилизаціи западной половины Россіи надъ Великороссіей, было причиною того, что западнымъ людямъ открывалась карьера при центральномъ правительствѣ, которая отвлекала ихъ отъ мѣстныхъ дѣлъ и привязывала ихъ къ этому правительству и его формѣ. Вспомнимъ, что во время попытки ограничить самодержавіе им-цы Анны, либералами явились вельможи-великоруссы, тогда какъ малороссы-духовные и нѣмцы-чиновники стали на сторону самодержавія.

Запоздавши такимъ образомъ и застоявшись въ фазѣ самодержавія долѣе, чѣмъ слѣдовало, по ходу внутренняго процесса развитія, Россія XVIII в. попала въ такое отношеніе къ западной Европѣ, что даже сближеніе ея съ этой послѣдней должно было замедлить ее еще болѣе въ самодержавномъ періодѣ. Неограниченное царство сложилось въ Россіи тогда, когда западная Европа вступала въ періодъ такъ наз. „просвѣщеннаго деспотизма",—а такъ какъ въ добавокъ судьба послала россійскому самодержавію талантливаго человѣка, въ лицѣ Петра Великаго, то самодержавіе это стало въ Россіи на извѣстное время идеаломъ именно наиболѣе образованныхъ людей. Другая талантливая личность, на русскомъ тронѣ, Екатерина II, рѣшилась даже на такую демонстрацію передъ „просвѣщеннымъ" вѣкомъ, какъ созваніе подобія земскаго собора въ 1767 г. (т. е. за 22 года раньше французскаго собранія 1789 г.) не опасаясь за цѣлость своего деспотизма. Но вскорѣ за тѣмъ западныя европейскія страны абсолютно-монархическаго строя, успѣвши извѣриться въ надеждахъ на деспотизмъ, даже просвѣ-

щенный, стали стремиться къ общественному самоуправленію, принципы котораго ясно и были поставлены во французскомъ національномъ собраніи 1789—1791 гг. Русское самодержавіе увидѣло въ этомъ угрозу и себѣ и съ той поры стало отказываться отъ исполненія всякихъ прогрессивныхъ обязанностей, какъ старой, военно-религіозной монархіи, такъ и новой, философской.

Между тѣмъ одно изъ отличій Московскаго царства отъ западно-европейскихъ монархій состояло какъ разъ въ томъ, что въ послѣднихъ монархизмъ помогалъ освобожденію массъ народа отъ феодальной аристократіи и почти окончилъ эту работу передъ началомъ освободительнаго періода,— тогда какъ въ Московіи и потомъ въ Россіи XVIII в., именно въ самодержавно-монархическій періодъ, крестьянство было закрѣпощено духовенству и служилому дворянству. Обстоятельство это должно быть объяснено колонизаціонными и военными отношеніями въ Восточно-европейской равнинѣ, гдѣ, напр., Московское царство XVI—XVII в., будучи, по политическому возрасту, ровесникомъ Франціи при королях Валуа, въ упомянутыхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало Франкскому государству при Меровингахъ и Каролингахъ, — вотъ почему основа феодализма, раздача земель служилымъ людямъ, со всѣми послѣдствіями ея, продолжалась въ Московіи и Россіи даже до XIX в., — да въ иныхъ формахъ, тянется и до нашего времени*). Съ устройствомъ войска на ново-европейскій ладъ, а также подъ вліяніемъ идей «просвѣщеннаго» вѣка, и россійское самодержавіе готово было (при Екатеринѣ II) взяться за освобожденіе крестьянъ, но натолкнувшись на новѣйшее европейское освободительное движеніе, самодержавіе это испугалось и сдѣлалось консервативнымъ по всѣмъ пунктамъ. Въ этомъ консерватизмѣ укрѣплено было оно еще и прямымъ вліяніемъ западнаго легитимизма, который внушалъ русскимъ самодержцамъ идею объ ихъ всемірномъ противуреволюціонномъ призваніи.

Въ импер. Николаѣ мы видимъ характернѣйшее совмѣщеніе стараго византійско-московскаго царизма, оправленна-

*) Что форма правленія тутъ играла второстепенную роль, видно и изъ того, что закрѣпленіе крестьянъ росло въ XV—XVIII в. и въ полуреспубликанской Польшѣ съ Литвой.

го въ новыя версально-потстдамскія формы, съ новѣйшимъ контр-революціоннымъ диктаторствомъ. Въ теченіе 30 лѣтъ парализируя во всѣхъ направленіяхъ развитіе Россіи, система Николая I постепенно обличила свою несостоятельность, сначала передъ наиболѣе образованными людьми, а наконецъ и передъ всѣми, сколько-нибудь думавшими практиками. Послѣ этого обличенія можно было ожидать, что самодержавіе въ Россіи быстро уступитъ мѣсто общественному самоуправленію,— но именно объясненное выше замедленіе пребыванія Россіи въ этапѣ самодержавія, совпавши съ новымъ прогрессомъ Западной Европы, было причиною новыхъ условій для дальнѣйшей запинки Россіи въ этомъ же этапѣ.

Около 1848 г. въ Западной Европѣ прогрессивныя партіи раздѣлились: на умѣренно либеральныя и радикальныя, отъ которыхъ въ свою очередь стали отдѣляться фракціи соціалистическія,—при чемъ нѣкоторыя изъ послѣднихъ, по реакціи старымъ сословно-либеральнымъ партіямъ, стали было даже склоняться къ диктотаріальнымъ идеямъ и даже къ союзу съ цезаризмомъ. Всѣ эти раздѣленія пустили свои отголоски и въ Россіи и при томъ даже раньше, чѣмъ ходъ жизни создалъ реальную подкладку для этихъ раздѣленій. А такъ какъ въ Россіи, при наслѣдникѣ Николая I, подвинутомъ къ реформамъ послѣ неудачной войны, начатой Николаемъ, должно было возродиться даже поклоненіе „просвѣщенному“ деспотизму, то упомянутыя раздѣленія оказались какъ нельзя болѣе на руку абсолютизму, — какъ это и показываютъ многія данныя настоящаго очерка.

Но изъ этого же очерка видно, что въ послѣдніе годы сама жизнь въ Россіи успѣла обнаружить, какъ неосновательность надеждъ на «просвѣщенный» деспотизмъ, такъ и необходимость политической свободы для радикально-демократическаго и соціалистическаго движенія, и сдѣлать либерализмъ непремѣннымъ догматомъ для всякаго послѣдовательнаго русскаго прогрессиста, какъ и для всякаго сознательнаго сторонника даже внѣшняго благоустройства страны. Такимъ образомъ теперь подкопаны одинъ изъ послѣднихъ указанныхъ выше идейныхъ препятствій къ торжеству либерализма въ Россіи. Остается лишь, чтобы ослабѣли племенные антагонизмы и чтобы у передовыхъ людей разныхъ

племенъ Россіи выработалось сознаніе необходимости солидарнаго дѣйствія для преобразованія ея политическаго строя къ общему благу. Большимъ пріобрѣтеніемъ послѣдняго времени, дающимъ надежду на благопріятный исходъ также и племеннаго вопроса, слѣдуетъ счесть то обстоятельство, что либеральное движеніе въ русскихъ земствахъ поставило отчетливо мѣстное самоуправленіе важнѣйшею частію своихъ требованій.

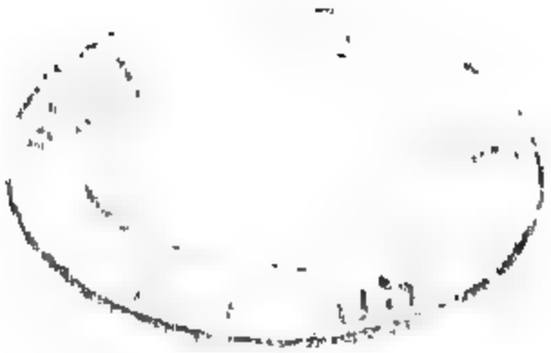
Если теперь всѣ образованные люди разныхъ племенъ населенія Россіи усвоятъ себѣ безповоротно и послѣдовательно начала, лежащія въ основѣ русскаго земскаго движенія и предлагаемыя въ осязательной формѣ, —а именно требованія неприкосновенности основныхъ правъ лица и мѣстнаго самоуправленія, обезпеченныхъ самоуправленіемъ государственнымъ, тогда главная часть работы добыванія для Россіи политической свободы будетъ сдѣлана.

Нечего смущаться теперешней матеріальной слабостію либерализма въ Россіи и огромными силами въ распоряженіи самодержавія. Матеріальными силами, конечно, пренебрегать нельзя, и либерализму нашему надо пріобрѣтать ихъ во всѣхъ элементахъ населенія Россіи: въ такъ называемыхъ «обществѣ» и «народѣ», среди «рабочихъ» и въ арміи. Но матеріальная сила въ вопросахъ внутренней политики далеко не все и даже не главное. Въ наши времена сочувственная, или, по крайней мѣрѣ, нейтральная нравственная атмосфера есть необходимое условіе для дѣйствія всякаго политическаго строя; лишенный ея всякій политическій порядокъ задыхается и падаетъ, при малѣйшемъ толчкѣ и даже безъ него. Такъ палъ королевскій абсолютизмъ во Франціи — не 14 іюля 1789 г., когда толпа парижанъ осадила Бастилію, а еще раньше, вслѣдствіе общественнаго сознанія, которое поставило на уста каждаго образованнаго француза слова: Etats Généraux, созваніе которыхъ было рѣшено еще лѣтомъ 1788 г. послѣ волненій въ нѣсколькихъ провинціяхъ и заявленій земскаго собранія (états) въ Дофине, по поводу реформы судебныхъ палатъ (парламентовъ). Такъ прусскій абсолютизмъ палъ—не вслѣдствіе борьбы на улицахъ Берлина 18—19 марта 1848 г. (которая вспыхнула случайно и по поводу вопроса второстепеннаго,—національной гвардіи), а уже въ

1847 г., когда король-реакціонеръ. подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, выражавшагося между прочимъ и въ требованіяхъ провинціальныхъ земскихъ собраній (Provinzialstaende) созвалъ объединенное ихъ собраніе (der vereinigte Landtag, по патенту 3 февраля 1847 г.) Сами 12—14 іюля въ Парижѣ и 18 марта въ Берлинѣ только потому и были возможны, что окружавшая уже правительства нравственная атмосфера не позволила имъ употребить противъ столичныхъ возстаній матеріальную силу, которой у этихъ правительствъ было еще достаточно. 13 марта 1848 г. австрійское правительство, застарѣлое въ реакціи, поддалось собственно горсти вѣнскаго населенія, которая приступала къ нему съ требованіями отставки Метерниха и объявленія политическихъ вольностей, потому что Метернихъ и вся его система были уже нравственно убиты въ общественномъ сознаніи, которое проникло и въ старомодныя провинціальныя земства (Landtage). Да и раньше уличныхъ волненій въ Вѣнѣ правительство уже уступало въ главномъ пунктѣ, такъ какъ уже 12 марта,—послѣ либеральныхъ адрессовъ (промышленнаго общества, юридическо-политической читальни и студенческаго, переданнаго профессорами) и въ виду адреснаго проэкта либераловъ Нижнеавстрійскаго земскаго собранія (о созывѣ общаго земскаго представительства, отмѣнѣ цензуры и пр.,)—правительство составило рескриптъ, которымъ обѣщало подобное представительство.

Бонапарты нашли силу обстрѣливать Парижъ, а Габсбурги — Вѣну, Гогенцоллерны возвратили войска свои въ Берлинъ, когда въ общественномъ мнѣніи обнаружились раздѣленія, — но единодушное отрицаніе стараго порядка и отчетливое требованіе новыхъ учрежденій, вполнѣ ясно сознаваемыхъ обществомъ, всегда обезоруживало самыя реакціонныя правительства.

28 Ноября 1888 г.



САМОДЕРЖАВІЕ,

МѢСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ И НЕЗАВИСИМЫЙ СУДЪ.

Въ настоящее время во внутренней политикѣ Россіи самый важный вопросъ — это судьба земскихъ учрежденій, о которой теперь идетъ рѣчь въ государственномъ совѣтѣ, по поводу административныхъ проэктовъ гр. Дм. Толстого. Понятно, что этимъ вопросомъ занята и русская журналистика, по сколько позволяетъ ей строгая цензура и таинственность самого представленія названныхъ проэктовъ. Изъ текущей по этому поводу журнальной полемики особый интересъ имѣетъ споръ между Катковскими эпигонами „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ съ одной стороны и „Вѣстникомъ Европы“ съ другой, споръ, который тянется уже нѣсколько мѣсяцевъ. Полемика эта касается на столько важныхъ предметовъ, что мы считаемъ не лишнимъ разобрать ея принципіальныя основы нѣсколько подробнѣе въ нижеслѣдующей статьѣ.

Прежде всего позволимъ себѣ сказать, что вся упомянутая полемика принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ литературѣ, которая пишется не для общества, а въ полномъ смыслѣ ad usum Delphini и, какъ таковая, отличается особенностію дѣтскихъ рисунковъ, а именно отсутствіемъ перспективы. Въ абстракціи „Р. В.“ совершенно правъ, говоря, что мѣстное самоуправленіе и самодержавіе несогласимы. Но въ то же время правъ и „В. Е.“, приводя историческіе примѣры въ пользу противоположной мысли. Только примѣры эти „В. Е.“ поставилъ внѣ настоящей

исторической перспективы, а въ одной плоскости. Если же разставить эти примѣры по надлежащимъ плоскостямъ, — то выйдетъ опять, что правъ болѣе „Р. В.“ и даже не въ одной абстракціи. Остановимся пока на двухъ примѣрахъ „В. Е.“

Несомнѣнно, что въ Московскомъ Государствѣ, при величайшемъ деспотѣ, Иванѣ IV, существовало широкое мѣстное самоуправленіе; несомнѣнно также, что и въ монархической Пруссіи въ 1808 г. было установлено весьма широкое самоуправленіе городовъ. Но дѣло въ томъ, что Московское государство XVI в. принадлежало къ типу монархій восточныхъ и средневѣковыхъ, въ которыхъ еще не развилась бюрократія, а потому государства эти, будучи самодержавными вверху, допускаютъ самоуправленіе внизу. Съ теченіемъ времени, съ усложненіемъ потребностей государства и центральной власти, монархическое самодержавіе вездѣ, — въ томъ числѣ и въ Россіи въ XVII—XVIII в., — обставилось бюрократіей, которая неизбѣжно и заѣла всѣ виды мѣстнаго самоуправленія, какъ заѣла она и старыя учрежденія и обычаи земскаго и сословнаго совѣтодательства верховной власти и даже обычай собирательныхъ прошеній со стороны подданныхъ. Но, такъ какъ со временемъ обнаружились, по крайней мѣрѣ, для умовъ болѣе просвѣщенныхъ, неудобства самодержавно-бюрократической администраціи даже для внѣшняго благоустройства безконтрольно управляемыхъ ею странъ, то въ европейскихъ обществахъ явилось сознаніе необходимости измѣненія системы управленія предоставленіемъ самому населенію хоть доли участія въ завѣдываніи своими дѣлами, — если еще не высшими государственными, требовать чего не всѣ рѣшились въ началѣ, то хоть мѣстными. Такое значеніе имѣли, напр., во Франціи XVIII-го в. проэкты Фенелона, Тюрго и др. о провинціальныхъ собраніяхъ, предшедствовавшіе требованіямъ земскаго собора, (états généraux), проэкты, которые, наконецъ, должно было осуществить правительство Людовика XVI-го (1778 — 1787) по идеямъ того же самого Неккера, который созвалъ и земскій соборъ 1789 г.*)

*) Неспеціальному читателю мы можемъ рекомендовать книжку Léonce de Lavergne. Les assemblées provinciales sous Louis XVI

Такого рода учрежденія, какъ французскія пров. собранія при Людовикѣ XVI, имѣютъ уже совершенно иной смыслъ, чѣмъ азіатское или средневѣковое мѣстное самоуправленіе: это уже прямые предшественники правленія либерально-конституціоннаго и отмѣны правленія бюрократически самодержавнаго. Къ такимъ учрежденіямъ принадлежатъ и цитируемыя «В. Е.» прусскія муниципальныя учрежденія 1808 г. Эти послѣднія, какъ равно и прусскія провинціальныя собранія (Provinzialstände), введенныя въ 1822 г., которыя болѣе сходны съ нашими земствами, чѣмъ муниципіи 1808 г., даже имѣютъ и прямую связь съ французскими учрежденіями, созданными земскимъ соборомъ 1789 — 1791 г., организовавшимъ самоуправленіе, какъ мѣстное (общинное, департаменское), такъ и государственное, по конституціи 1791 г. Учрежденія эти произвели огромное впечатлѣніе на всю Европу, въ томъ числѣ и на Германію. Какъ ни искажены они были якобинцами и Наполеономъ, которые подрѣзали особенно мѣстное самоуправленіе, все-таки Франція, — даже императорская, — оставалась de jure государствомъ конституціоннымъ. По типу ея сложились и новыя германскія государства, образованные подъ вліяніемъ Наполеона, изъ которыхъ, напр., королевство Вестфальское и Баварское имѣли конституцію уже въ 1807 — 1808 гг., при чемъ вестфальская конституція вовсе не оставалась на бумагѣ.

Разбитая Наполеономъ самодержавно-бюрократически-дворянская Пруссія, послѣ 1807 г., должна была, чтобы стать на ноги, произвести революцію сверху, — „революцію въ хорошемъ смыслѣ“, какъ выразился тогда прусскій государственный дѣятель кн. Гарденбергъ въ письмѣ къ другому, къ знаменитому реорганизатору Пруссіи Штейну. Намъ страшно было бы учить «В. Е.», напоминая ему, что Штейнъ и его товарищи по министерству, какъ Вильгельмъ Гумбольдъ и др., были политическіе либералы. Городское самоуправленіе 1808 г. было только однимъ изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи либеральныхъ учрежденій, ими предположенныхъ: самоуправленія общиннаго, уѣздна-

---

(2-me éd., 1879), въ которой найдется много аналогій съ Россіей временъ Александра II-го и теперешней.

го, провинціальнаго и, наконецъ, государственнаго представительства (Reichstände), которое, по мысли Штейна, дожно было состоять изъ делегацій провинціальныхъ сеймовъ, хотя сначала имѣть только совѣщательное значеніе *).

Придворная реакція помѣшала своевременному выполненію всего этого плана, — и политическая часть реформъ Штейна ограничилась надолго городскимъ закономъ 1808 г., но черезъ то вовсе не измѣнилось политическое значеніе этого закона. Самъ «В. Е.», возражая на замѣчаніе «М. В.», будто законъ 1808 г. былъ только «видоизмѣненіемъ древнихъ городскихъ привилегій», говоритъ: «Трейчке совершенно правъ, придавая реформамъ Штейна совершенно другое болѣе глубокое значеніе» (1889, Янв., 416, примѣч.). Но вѣдь Трейчке вотъ какъ оцѣниваетъ городскую реформу Штейна: «Подобно тому, какъ Фр. Вильгельмъ I создалъ новѣйшее нѣмецкое чиновничество, — Штейново городское устройство стало исходною точкою нѣмецкаго самоуправленія. На немъ опирались всѣ новѣйшіе общинные законы, которые въ теченіи двухъ поколѣній, пока парламентаризмъ былъ еще не зрѣлъ и незавершенъ, образовали прочнѣйшую, пайлучше обезпеченную часть нѣмецкой народной свободы. Реформами Штейна вновь пробуждено было въ нѣмецкомъ городскомъ населеніи живое чувство общественности, охота къ отвѣтственной политической дѣятельности. Имъ обязаны мы тѣмъ, что нѣмецкое конституціонное государство стоитъ теперь на твердой почвѣ» и т. д. **)

Чего же еще нужно для признанія политическаго смысла прусской городской реформы 1808 г., у которой петербургскій журналъ отрицаетъ подобное значеніе? Изъ книги того же Трейчке (замѣтимъ, вовсе не радикальнаго либерала) — видно, что на этотъ счетъ не ошибались ни друзья реформы, ни ея противники, — феодалы и бюрократы старой школы, которые говорили о «республиканскомъ

*) V. Treitschke, Deutsche Geschichte in neunzehnten Jahrhundert. I, 273-287. Цитируемъ это сочиненіе, такъ какъ на него ссылается и «В. Е.» Подробности любопытный читатель найдетъ въ біографіи Штейна, соч. Пертцомъ, въ полномъ и сокращенномъ изданіи.

**) Трейчке, тамъ же, 285.

началѣ городской реформы», какъ теперь партія «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ о «принципѣ народовластія» въ нашемъ Земскомъ положеніи 1864 г. Сторонники реакціи вскорѣ восторжествовали надъ Штейномъ при прусскомъ дворѣ, и дальнѣйшее развитіе реформъ его пріостановилось;—но «В. Евр.» все-таки не правъ, увѣряя, будто по самодержавію прусскіе короли Фридрихъ Вильгельмъ III и IV ничемъ не отличались отъ своихъ предшественниковъ. Нѣтъ, — старая самодержавно-бюрократическая монархія была уже подкопана въ Пруссіи послѣ 1807 г. и ходомъ политики, даже и внѣшней, и общественнымъ анализомъ, — и кор. прусское правительство должно было, хоть медленно и съ оглядками, но идти къ реформѣ государственнаго правленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширять и мѣстное самоуправленіе.

Въ 1813 г., поднимая нѣмцевъ противъ Наполеона, пр. король долженъ былъ пообѣщать имъ свободныя учрежденія по соглашенію князей и народовъ Германіи. *) Въ 1815 г. онъ формально объявилъ о томъ, что выработаетъ для своего государства, въ которое вступала и Вестфалія, конституцію. Политическое представительство было обѣщано всѣмъ нѣмцамъ союзнымъ актомъ 1815 г., послѣ чего юго-западныя меньшія государства скоро и получили конституціонныя учрежденія. Прусское правительство образовало коммиссію для начертанія конституціи, — и канцлеръ кн. Гарденбергъ составилъ проэктъ, близкій къ идеямъ Штейна; тутъ между прочимъ читаемъ: «лучшій фундаментъ конституціи есть цѣлесообразное муниципальное и общинное устройство». Дальше проэктъ предполагалъ выборныя собранія уѣздныя, провинціальныя и общегосударственныя. **)

Выработка конституціи прусской опять затянулось че-

*) Любопытно для русскихъ то, что это Калишское воззваніе 25 Марта 1813 г. было подписано «отъ имени Е. В. императора и самодержца всероссійскаго и Е. В. короля прусскаго» нашимъ соотечественникомъ кн. Кутузовымъ-Смоленскимъ. Не это ли обѣщаніе Р. В. называетъ «вынужденнымъ?» Интересно бы знать: кѣмъ?—или лучше: чѣмъ, — кромѣ совокупности историческихъ условій, упорное непризнаніе которыхъ обращаетъ самодержавіе въ полное самодурство?

**) Трейчке, т. II. 635-637.

резъ придворную реакцію, — которая между прочимъ ссылалась и на политическія убійства, студенческія демонстраціи, тайныя общества, антиеврейскіе безпорядки и т. п. явленія, очень похожія на тѣ, какія мы видимъ въ послѣднее время въ Россіи, — но въ 1822 г. прусское правительство издало законъ о провинціальныхъ сеймахъ, — хотя и весьма аристократическихъ и имѣвшихъ только совѣщательный голосъ по общегосударственнымъ дѣламъ, — но все-таки осуществлявшихъ извѣстное провинціальное самоуправленіе и получавшихъ права во многомъ бо́льшія, чѣмъ наши земства 1864 г. При Фридрихѣ Вильгельмѣ IV эти сеймы стали (съ 1840 г.) ходатайствовать о созваніи общегосударственнаго представительства, какъ и наши земскія собранія 1879 — 1883 гг. Король отказывалъ, — но, такъ какъ либеральное движеніе не утихало, то по немногу уступалъ: въ 1842 г. установлены были въ столицѣ совмѣстныя засѣданія комитетовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сеймовъ съ совѣщательнымъ голосомъ по вопросамъ, какіе имъ предлагало правительство (напр., о желѣзныхъ дорогахъ, объ уложеніи наказаній). Но либеральныя ходатайства пров. собраній и городскихъ думъ, а также корпорацій, не прекратились, не смотря на реакціонное настроеніе короля и двора, усиленное аттентатомъ Чеха и волненіями рабочихъ въ Силезіи, которыя реакція представляла результатомъ коммунистической пропаганды*). Въ 1847 г. король согласился на Соединенный Сеймъ: — но и въ немъ движеніе, требовавшее упроченія политической свободы и большей демократизаціи представительства, не умолкало. Съ тѣхъ поръ, не смотря на разныя колебанія впередъ и назадъ (созывъ Учредит. собранія по избират. закону, составленному Соедин. Сеймомъ, потомъ октроированная конституція 1848 г. и т. д.) — Пруссія стала конституціоннымъ государствомъ. А когда конституціонное правленіе въ ней упрочилось (ибо компетенціи парламента, по крайней мѣрѣ, во внутреннихъ

*) Обо всемъ этомъ, особенно о либеральной агитаціи въ провинціальныхъ сеймахъ, въ городахъ и печати, см. интересныя, особенно для русскаго читателя, подробности у Wirth, «Die Geschichte der Deutschen Staaten von der Aufloesung des Reiches bis auf unsere Tage» (1847), т. III, 633 и слѣд.

дѣлахъ не смѣетъ отрицать самъ кн. Бисмаркъ), тогда, съ 1872 г., во время наибольшаго сближенія правительства съ либеральною партіей, воспослѣдовала и новая реформа мѣстнаго управленія: провинціальнаго, уѣзднаго, окружнаго и волостнаго, которая, конечно, далека отъ «народоправства», въ родѣ, напр., швейцарскаго. — но все-таки представляетъ мѣру органически-прогрессивную, добросовѣстный опытъ довольно широкаго мѣстнаго самоуправленія.

Передъ тѣмъ сходный проэктъ (Organisationsgesetz) выработанный въ 1850 г., вслѣдъ за окончательнымъ установленіемъ конституціи, который долженъ былъ «органически объединить всѣ силы самоуправленія», былъ оставленъ безъ *примѣненія по соглашенію правительства*, впадавшаго въ реакцію, съ палатою господъ — въ 1851 г. Новыя земско-административныя реформы, начатыя положеніемъ объ округахъ (Kreisordnung), принятымъ палатой депутатовъ 25 Марта 1872 г., прошли въ реакціонно-дворянской палатѣ господъ только послѣ назначенія королемъ 25 новыхъ либеральныхъ членовъ. Чтобы дать неспеціальному читателю понятіе о прусскомъ земско-административномъ устройствѣ, сравнительно съ нашимъ, а особенно съ замыслами Катковцевъ, мы скажемъ лишь, что въ Пруссіи земско-административныя единицы разныхъ степеней имѣютъ не только выборныя собранія и управы въ родѣ нашихъ земскихъ (Provinziallantag, Provinzialausschusz, — Kreistag, Kreisausschusz), но и выбираемыхъ отъ земства членовъ въ совѣтахъ при коронныхъ администраторахъ (Provinzialrath, Bezirksrath, которыхъ замѣняютъ въ округахъ и волостяхъ Kreisausschusz и Amtsausschutsz, — послѣдній изъ представителей общинъ); кромѣ того начальники администраціи и полиціи въ меньшихъ земскихъ единицахъ, — Landrath въ округѣ и Amtmann въ волости, — назначаются правительствомъ по представленію уѣзднаго земскаго собранія (Kreistag) изъ мѣстныхъ жителей съ извѣстными квалификаціями. (Подробности см. у Demombynes, Les constitutions Européenes. Parlements, conseils provinciaux et communaux et organisation judiciaire. 2-ed. II, 635 — 677)

Мы остановились подольше на исторіи мѣстнаго самоуправленія въ Пруссіи, которую затронула полемика на-

ихъ столичныхъ журналовъ, такъ какъ эта исторія показываетъ наглядно, — 1) что мѣстное самоуправленіе имѣетъ теперь безспорно политическое значеніе, — и 2) что его учрежденія въ новѣйшихъ государствахъ ростутъ и крѣпнутъ именно во время общегосударственнаго либеральнаго движенія и упрочиваются только съ либеральной реформой центральныхъ государственныхъ учрежденій, для которой въ тоже время мѣстное самоуправленіе составляетъ лучшую опору.

Исторія русскихъ мѣстныхъ учрежденій учитъ тому же самому. Россія послѣ-севастопольская находилась въ такомъ же положеніи, въ какомъ была Пруссія послѣ Тильзитскаго мира. И въ ней поэтому началось, и въ обществѣ, и въ болѣе просвѣщенной части правительства, движеніе, вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, какое было въ Пруссіи въ эпоху Штейна. Тогда-то, рядомъ съ реформой крестьянской, пошли въ ходъ и планы всесторонняго преобразованія административно-политическаго строя, причемъ самоуправленіе мѣстное и у насъ считалось первымъ шагомъ для основы самоуправленія государственнаго. (См. выше статью «Земскій либерализмъ въ Россіи»). И замѣчательно, самъ императоръ Александръ II принципіально не отрицалъ необходимости полноты такой реформы, а только сохранялъ за собой право почина въ ней. И въ Россіи политическая реформа сначала остановилась только на опытахъ мѣстнаго самоуправленія.

Совершенно естественно, что бюрократія россійская, высшая и низшая, отнеслась враждебно къ этимъ опытамъ, исказивъ ихъ начала даже въ самомъ Положеніи о земствахъ 1864 г., а потомъ въ его примѣненіи и дальнѣйшемъ развитіи. Это еще болѣе слѣдуетъ сказать о Городскомъ положеніи 1870 г., составленномъ въ болѣе реакціонное время. Бюрократія настолько не совмѣстима съ самоуправленіемъ, что, напр., во Франціи даже послѣ революціи 1789 г. департаментское и общинное самоуправленіе, установленное законами 1789—1791 г., не удержалось передъ силою вѣками выросшаго бюрократическаго элемента и соотвѣтственныхъ ему инстинктовъ и идей и начало утверждаться только въ послѣднее время, уже при третьей республикѣ. Совершенно естественно также, что рос-

сійскіе монархи, гораздо менѣе просвѣщенные, чѣмъ, напр., прусскіе, еще болѣе, чѣмъ послѣдніе, поддаются вліянію бюрократіи, враждебной самоуправленію, даже мѣстному. А потому теперь въ Россіи дѣйствительно несогласимо мѣстное самоуправленіе съ монархическимъ самодержавіемъ, — такъ какъ это послѣднее теперь немыслимо безъ бюрократіи*).

А такъ какъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, общественное благоустройство не возможно при бюрократической администраціи, — то..... выводъ самъ собою ясенъ.

Сущность сказаннаго выше вполнѣ прилагается и къ другому предмету спора между нашими столичными журналами, а именно — къ независимому суду и суду присяжныхъ. При всемъ ихъ спеціальномъ назначеніи, конечно, судебныя учрежденія имѣютъ и значеніе политическое и между прочимъ правильно могутъ дѣйствовать только при политической свободѣ. Печать Катковскаго толка совершенно права, когда доказываетъ несовмѣстимость въ настоящее время „судебныхъ республикъ“ и „народнаго суда“ (присяжныхъ) по уставамъ 1864 г. съ монархическимъ самодержавіемъ, — а „В. Евр.“ на этотъ разъ еще болѣе не правъ, когда ссылается на существованіе довольно независимаго суда въ Пруссіи и суда присяжныхъ въ прирейнскихъ ея провинціяхъ и до 1848 г. (Самъ же „В. Евр.“ говоритъ, что судъ присяжныхъ въ этихъ провинціяхъ былъ „завѣщанъ французскимъ управленіемъ“, — т. е. былъ данъ идеей „народовластія“, говоря языкомъ „Русскаго Вѣстника“, — а вовсе не монархическимъ самодержавіемъ.

Исторія гласнаго судопроизводства и суда присяжныхъ вполнѣ аналогична съ исторіей мѣстнаго самоуправленія. Такого рода судебныя учрежденія и обычаи существовали въ старину во всей Европѣ, какъ остатокъ древняго, общиннаго и племеннаго, народоправства, но въ монархически-бюрократическій періодъ атрофировались повсюду, кро-

*) Московско-славянофильская идея о земско-народномъ царѣ-самодержцѣ, безъ «средостѣнія», т. е. чиновниковъ, есть такая же иллюзія, какъ и ея родная сестра, — Бакунинская анархія.

мѣ конституціонной Англіи, откуда идея ихъ, вмѣстѣ съ другими англійскими либеральными идеями, стала переноситься на материкъ Европы въ XVIII в. Законодательство революціонной Франціи внесло эти учрежденія въ новый кодексъ, хотя якобинско-бонапартовскій авторитаризмъ и обрѣзалъ ихъ примѣненіе, оставивъ бюрократическую судебную процедуру для преступленій политическихъ, печатныхъ и т. п. Въ такомъ видѣ англійскія судебныя учрежденія были введены въ прирейнскія провинціи во время французскаго здѣсь вліянія, — и не вѣрно было бы думать, что стремившееся сохранить самодержавіе прусское правительство времени Реставраціи вполнѣ примирялось съ этими учрежденіями. Нѣтъ, — оно не разъ пыталось ихъ уничтожить въ 1819 — 26 гг., и если этого не сдѣлало, то только благодаря энергичной оппозиціи населенія прирейнскихъ областей. Изъ проявленій этой оппозиціи движеніе 1825 — 26 гг. кажется намъ такъ поучительнымъ для русскаго общества, что мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать здѣсь его краткій очеркъ.

Поводомъ къ новому нападенію прусской бюрократіи на прирейнскія судебныя учрежденія послужилъ исходъ одного, надѣлавшаго шуму въ провинціи, процесса по подозрѣнію въ убійствѣ, — при чемъ подсудимый (купецъ Фонкъ въ Кёльнѣ) былъ признанъ присяжными виновнымъ (наши реакціонеры бьютъ въ набатъ обыкновенно по поводу оправданій). Король, возбуждаемый юристами старой школы и политическими реакціонерами, отмѣнилъ судебный приговоръ (а не только помиловалъ осужденнаго) и, по представленію всего министерства, повелѣлъ пріостановить дѣйствіе „французскаго“ судопроизводства въ рейнскихъ провинціяхъ впредь до общаго пересмотра свода законовъ государства. Когда этотъ указъ дошелъ до рейнскаго провинціальнаго собранія, то здѣсь только аристократическіе депутаты привѣтствовали его, какъ отмѣну «слѣдовъ постыднаго (чужеземнаго) ига», — но большинство депутатовъ отъ городовъ и крестьянъ напротивъ вступилось за «французскіе» суды. Извѣстные юристы произнесли въ защиту ихъ рѣчи въ собраніи и напечатали брошюры. Шестьнадцать городовъ подали адрессы или королю, или земскому собранію провинціи, которое, въ

противность уставу, приняло ихъ и обсуждало. Пренія собранія по этому поводу проникли и въ печать, также въ противность закону. Собраніе постановило просить короля не вводить прусскаго судопроизводства въ провинцію, впредь до его преобразованія, и во всякомъ случаѣ сохранить для провинціи присяжныхъ и гласность суда. Король долженъ былъ уступить*).

Не обошлась безъ нападеній бюрократической реакціи въ Пруссіи и знаменитая, упоминаемая „В. Евр.“, независимость королевскихъ судей отъ администраціи, — такъ какъ въ 1844 г. была учреждена для судей Дисциплинарная палата, которая сильно ограничивала эту независимость.**) Да и въ самомъ дѣлѣ, — по видимому, независимость судьи, назначаемаго самодержавною короною, и въ кругѣ, строго опредѣленномъ закономъ, исходящимъ отъ той же короны, судьи, производящаго судъ отъ ея же имени, — не можетъ ничѣмъ нарушить престижъ этой короны. Но это такъ только въ абстракціи. Въ дѣйствительности же, въ которой самодержецъ является обставленнымъ цѣлой арміей тоже назначенныхъ имъ чиновниковъ, — приговоръ и даже поведеніе во время суда независимаго отъ нихъ судьи рискуетъ ежедневно, особенно при современной сложности жизни, затронуть интересы не только отдѣльныхъ лицъ изъ чиновниковъ, но и цѣлыхъ вѣдомствъ, и всѣ они возопіютъ къ самодержцу противъ „судебной республики, непозволительной въ самодержавномъ государствѣ.“

Чего же ждать суду присяжныхъ? Вотъ почему этотъ судъ въ новѣйшее время всегда тѣсно былъ связанъ съ политическими либеральными учрежденіями, вводился или вмѣстѣ съ ними, или какъ ихъ предтеча, и урѣзывался, или совершенно отмѣнялся во время политической реакціи. «В. Е.» успокаиваетъ наши оффиціальныя вершины, которыя реакціонеры настраиваютъ противъ суда присяжныхъ тѣмъ, что-де въ Германіи его требовали передъ 1848 г. политическіе либералы и что онъ былъ введенъ послѣ и вслѣдствіи февр. революціи, — успокаиваетъ такимъ замѣчаніемъ: „У насъ въ Россіи о «политическомъ

*) Treitschke, т. III, 382-386, Wirth. т. II, 925-926.
**) Wirth, т. III, 741-742.

характерѣ» суда присяжныхъ не можетъ быть и рѣчи и потому, что онъ съ самого начала не былъ распространенъ ни на государственныя преступленія, ни на проступки печати, — а между тѣмъ только изъ-за этихъ дѣлъ и происходила вокругъ него въ Западной Европѣ настоящая политическая борьба, только изъ-за нихъ онъ входилъ въ политическую программу либеральныхъ партій" (В. Евр. 1889 г., Янв., 410).

Положимъ, не совсѣмъ «только изъ-за нихъ!» Но, если бы и такъ, — то это все-таки не даетъ убѣдительности всей приведенной тирадѣ „В. Евр." Присяжные, какъ и гласность суда, есть одна изъ гарантій независимости судебной процедуры и приговора, а, слѣдовательно, истиннаго правосудія, — а потому, разъ она существуетъ для однихъ видовъ преступленій, не логично не быть ей и для другихъ. Общественное сознаніе всегда будетъ смущаться, если не возмущаться, всякаго рода исключительными судами, и всегда найдутся люди, которые растолкуютъ ему ненормальность того, что разбойникъ судится съ большими гарантіями, чѣмъ сочинитель, а профессіональный жуликъ съ большими, чѣмъ противникъ, часто только теоретическій, господствующей формы правленія. Въ Россіи же, гдѣ введеніе „Судебныхъ Уставовъ" 1864 г. не повело за собою ни уничтоженія III-го отдѣленія съ произвольными арестами, ни административной ссылки, — какъ того всѣ ждали и какъ на то намекала даже правительственная коммиссія, составлявшая основы судебной реформы. — эта нелогичность бросается въ глаза еще больше, чѣмъ гдѣ-нибудь. Вотъ почему въ Россіи принципы „Судебныхъ Уставовъ 1864 г." получили болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, не только политическій, но прямо агитаціонный характеръ.*) Совершенно естественно, что вмѣсто того, чтобы расширить вѣдомство суда присяжныхъ, напр., хоть бы

*) Напомнимъ, что подсудимые процесса 193, поставленные въ 1878 г. (изъ числа болѣе 1000 человѣкъ, безъ закономъ арестованныхъ въ 1874 г.) передъ судомъ исключительнаго трибунала, установленнаго въ 1872 г. въ отмѣну даже первоначальной редакціи закона 20 Ноября 1864 г., — заявили, что не признаютъ такого суда, а требуютъ «суда общества, суда присяжныхъ.» И замѣчательно, что это требованіе было первымъ проявленіемъ поворота русскихъ соціалистовъ 70-хъ годовъ къ политическому вопросу.

передачей ему процессовъ по дѣламъ печати, какъ это недавно сталось, хоть отчасти, даже въ современной Австріи, — русское правительство вскорѣ по изданіи Уставовъ 20 Ноября 1864 г. начало подрывать даже независимость и гласность новоучрежденныхъ коронныхъ судовъ не только въ области дѣлъ прямо политическихъ, но и обыкновенныхъ. Намъ нѣтъ надобности перечислять здѣсь всѣ эти подкопы и искаженія, которые, конечно, будутъ идти прогрессивно до тѣхъ поръ, пока или не произойдетъ политическая реформа самого высшаго управленія Россіи, или пока новые суды не будутъ превращены въ старые, Николаевскіе. А такъ какъ правосудіе и суды Гоголевскихъ и Щедринскихъ судей и предсѣдателей палатъ двѣ вещи несовмѣстимыя, — то..... сдѣлать выводъ опять не трудно....

Вотъ въ какомъ видѣ представляется, по нашему мнѣнію, предметъ спора между нашими реакціонными органами и петербургскимъ прогрессивнымъ (или теперь скорѣе консервативнымъ) журналомъ, если изобразить этотъ предметъ способомъ, употребляемымъ не для дѣтей, простыхъ или царственныхъ, а для взрослыхъ. Не пускаясь въ обсужденіе ни достоинства, ни пользы занятія публицистовъ дѣтскими картинками, — мы скажемъ только, что надо же кому-нибудь заняться публицистикой и для совершеннолѣтнихъ. Настоящая литература вѣдь существуетъ для взрослыхъ и должна разъяснять, а не затемнять, хотя бы и съ благими намѣреніями, общественные вопросы, — разъяснять и обществу, и государственнымъ людямъ, и самой династіи. Пусть всѣ знаютъ, куда ведутъ Россію и дорога реформъ, на которую страна эта должна была ступить послѣ севастопольскаго погрома, — и дорога реакціи. Пусть каждый выбираетъ одну изъ этихъ дорогъ вполнѣ сознательно.....

21 Январ. 1889 г.
Женева.